

Артефакт & Детектив

Наталья Солнцева

Монета желаний

«АСТ»

2008

Солнцева Н. А.

Монета желаний / Н. А. Солнцева — «АСТ», 2008 — (Артефакт & Детектив)

Бизнесмену Кириллу Дубровину случайно попала в руки древняя карфагенская монета с изображением бога – двуликого Януса. По легенде она приносит своему обладателю удачу и исполняет желания. Кирилл не поверил в эти сказки, однако его дела стремительно пошли в гору. А потом монета пропала... Хроническую неудачницу Клавдию Еремину уволили с работы и подозревают в краже векселя на огромную сумму. Отчаявшаяся женщина на последние деньги заказала по объявлению Талисман Белых Духов и получила... старый мужской пиджак. Но после этого ее жизнь чудесным образом изменилась. А вскоре она встретила в кафе Кирилла, и молодых людей сразу потянуло друг к другу. Но была ли эта встреча случайностью или их судьбы таинственным образом соединила древняя монета? Книга также выходила под названием «Французский ангел в кармане».

© Солнцева Н. А., 2008

© АСТ, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Наталья Солнцева

Монета желаний

Все события вымышлены автором, совпадения случайны.

*Так вы действительно думаете, что я опасаясь за свою жизнь?
Что мне ее жалеть? Разве я не получил от нее всех возможных и
невозможных удовольствий?*

Лорд Байрон

Глава 1

Некто скучал. Иногда, время от времени, наступали такие периоды, когда ему было нечего делать. Это случалось нечасто, но все-таки случалось. Периоды вынужденного безделья длились недолго. Сначала это было даже приятно – отдых, ничегонеделание, безответственность. Свобода... Куда хочу, туда лечу! Но затем...

Вот и сейчас привычная обстановка надоела. До боли знакомые стены, мебель, картины, книги... В книгах иногда пишут интересное, но читать о чем-то и испытывать что-то самому – разные вещи. Впрочем, в запутанных книжных историях можно кое-что почерпнуть для развлечения. Жаль только, фантазия у авторов уж очень бедная! Интриги какие-то робкие, несмелые. Герои нерешительные. Скука!

На улице осень. Ничего, красивая: золото, малахит и пурпур. Калина и рябина – все в ягодах. Клены горят посреди улиц, как огромные костры.

Потом придет зима. Город будет стоять весь в серебре, укрытый белыми снегами, скованный морозом. Розовое небо закружится дымками.

За зимой придет весна, ее сменит лето...

Все бы ничего! Только ведь все это повторяется снова и снова! Опять осень с желтыми листьями, зима со снегом, весна с лужами, зеленое лето! Надоело!

Хорошо хоть город большой – Москва! Домов много. Есть и старые, даже очень. Раньше в них цари жили и бояре. Потом вельможи – ленивые, пузатые. По улицам гусары скакали, сверкая саблями! В дворянских особняках звучали мазурки и вальсы, летали над паркетами шелковые подолы, блистали обнаженные плечи женщин! Потом...

Эх, потом все куда-то делось! Жаль...

А теперь все постоянно спешат, бегут без толку, без смысла, суетятся! Зачем? Никакого полета мысли! Никаких порывов! Деньги, мелкие дразги, стрельба в темных подворотнях, вульгарные разборки, кухонные скандалы... Тараканы бега, а не жизнь!

Раньше люди все-таки были гораздо изобретательнее! И казнить, и миловать умели. А уж любить... Самое увлекательное всегда было с любовью связано неразрывно, как ночное небо с луной! Или солнце с ясным днем.

Вообще странно, как современным людям удастся при их непритязательности и отсутствии стоящих желаний так усложнять и запутывать жизнь, делать ее невыносимой? Создается впечатление, что все действуют механически, неосознанно и по шаблону. И все равно не видят простоты решений!

Некто не переставал удивляться еще одному свойству людей: бесконечным попыткам находить повсюду тайны и раскрывать их. Увы! За одной тайной тут же, как чертик из коробочки, выскакивала другая – и так до бесконечности...

Некто еще некоторое время любовался тонкими и печальными красками осени, синим небом, прозрачностью воздуха. Это напоминало ему прошлое, когда распахивались двери храмов, люди надевали свои лучшие одежды и спешили к алтарю с обильными подношениями – несли вино, плоды и свежий мед. А в начале года вели на заклание откормленного белого быка... крутобокого красавца, у которого пар валил из ноздрей. Благословенные дни! Что же сейчас? Делать решительно нечего. Скука...

Кирилл Дубровин вошел в гулкий пустой подъезд.

Эхо от его шагов отдавалось под высоким потолком. Наверх вела пологая лестница с истертыми ступенями. Лифт в доме был старый. Кирилл посмотрел вверх, на прозрачную сетку шахты, и решил подняться на третий этаж пешком. Он был в хорошей физической форме, и пройтись лишний раз по лестнице доставит ему удовольствие.

На втором этаже приоткрылась недавно поставленная прочная дверь из хорошего дерева. – Здравствуйте, – как можно любезнее поздоровался Кирилл.

Родители с детства внушили ему уважение к соседям. Ему были интересны люди, живущие в таком старом московском доме.

На его вежливое приветствие никто не ответил. Дверь поспешно захлопнулась, как будто кто-то там, в полумраке старинной квартиры, в паническом страхе поспешил оградить себя от непрошеного знакомства.

Кирилл пожал плечами, недоумевая. Он ходил сюда уже пару месяцев, заканчивая ремонт в недавно купленной квартире, и еще ни разу ему не удалось рассмотреть толком ни одного жильца. И даже не из-за лампочек, которые то ли постоянно перегорали, то ли служили добычей подростков, которым не хватало на бутылку. Просто по непонятной причине люди, проживающие в этом подъезде, шарахались от нового жильца.

Если, не дай бог, они спускались или поднимались по лестнице, то буквально пробегали мимо, стараясь не встретиться с Кириллом взглядом или быстро шмыгнуть в лифт. А то и вернуться обратно в квартиру и в спешке захлопнуть дверь, за которой тут же воцарялась мертвая тишина.

Однажды, когда он сильно порезал палец, а йода под рукой не оказалось, ни в одной из квартир, куда он звонил, ему так и не открыли. Люди на цыпочках подходили к «глазкам», напряженно дышали там, за дверями, и так же бесшумно отходили, растворялись в необъятных недрах квартир старой планировки.

Кириллу пришлось обмотать палец носовым платком и отправиться в ближайшую аптеку за перекисью, йодом и бинтами. Всю дорогу он раздумывал над непонятным поведением будущих соседей, так и не придя ни к какому выводу.

Он сделал приличный запас перевязочных и дезинфицирующих средств, так как его квартиру ремонтировали два быстрых и неразговорчивых мужика, нанятых отцом, и им тоже могла понадобиться аптечка. Кирилл спрашивал у мужиков насчет соседей, но они только пожимали плечами:

– Тут, наверное, одни старики остались, пенсионеры. Куда им ходить?

Получалось, что мужики тоже почти никого не видели. Это было странно. Дом, в котором не было ни одной пустой квартиры, словно вымер. То есть жильцы, без сомнения, были, но... прятались, что ли? От кого? Почему?

Дом располагался внутри двора, в центре Москвы, в Неопалимовском переулке. Его окружали высокие старые липы, клены и разросшиеся кусты сирени. Стояла ранняя, теплая и сухая осень. Ветер гонял по асфальту желтые и красные листья. На клумбах отцветали лиловые астры.

Кириллу безумно нравился этот тихий уголок старого города, само название переулочка, говорившее о том, что во время бесчисленных опустошительных пожаров Москвы огонь обходил это место и оно оставалось невредимым.

– Хорошая примета! – сказал отец Кирилла, когда они ходили смотреть квартиру.

Николай Авдеевич Дубровин родился в Москве и прожил в ней всю жизнь. Он был профессором математики и до сих пор работал в университете, руководил научными исследованиями. Мама Кирилла ни одного дня не работала, обхаживая ненаглядного Коленьку, устраивая его быт и обеспечивая ему «творческий и интеллектуальный рост». Потом, когда появился еще более «ненаглядный» Кирюша, у нее прибавилось хлопот и пришлось нанять домработницу. Оплачивать ее труды оказалось уважаемому профессору не по карману.

Маргарита Георгиевна, посещавшая в детстве и юности хоровой кружок, считала себя несостоявшейся великой певицей. Когда у нее случались приступы легкой меланхолии, она надевала шелковое кимоно, привезенное ей в подарок мужем из Японии, ставила пластинку и слушала арию Чио-Чио-сан, куря при этом ментоловую сигарету, вставленную в длинный янтарный мундштук.

Сразу после школы она выскочила замуж за подающего надежды математика, потерявшего голову от ее свежей и наивной юности, и не прогадала. Супруг был значительно старше ее, называл ее Риточка, души в ней не чаял, выполняя все капризы юной жены. Он защитил сначала кандидатскую, потом докторскую и беспрепятственно продвигался по служебной лестнице. Нрава он был кроткого, весь погружен в свои формулы и уравнения, вредных привычек не имел и, кроме математики, любил старинные романсы и старинные монеты.

Романсы негромким низким голоском ему пела Риточка, кое-как аккомпанируя себе на небольшом черном рояле, который еще помнил, как уважаемый Николай Авдеевич ходил под ним пешком. А скромная, но тщательно подобранная нумизматическая коллекция тешила его душу скучными осенними вечерами. Запершись в своем кабинете и вооружившись лупой, профессор наслаждался разглядыванием своих сокровищ.

Когда Кирюша подросток, отец решил приобщить мальчика к нумизматике, ища в нем единомышленника и преемника в собирательстве. Он сажал ребенка на колени, раскрывал толстые глянцевые издания, иллюстрирующие историю монет, и, показывая пальцем то на одну, то на другую, пускался в длинные подробные объяснения.

– Знаешь, сынок, кто первый додумался чеканить золотые деньги? – задавал он вопрос, на который сам же и отвечал. – Одни утверждают, что это знаменитый Крез, лидийский царь, прославившийся несметным богатством. Другие... впрочем, неважно. Главное – благодаря чествованию древних владык на свет появилась этакая красота! Художник должен был уместить на крохотном кружке простой и выразительный рисунок, изящную композицию, изумительную по тонкости исполнения. Формы для монет делали лучшие резчики, настоящие мастера, способные превратить золотую или серебряную денежку в прелестную миниатюру. Некоторые монеты – настоящие шедевры изобразительного искусства и немые свидетели прошлого. Они могут подтвердить или опровергнуть догадки историков и археологов. Вот, смотри... это афинские монеты с надменным профилем богини... вот римские денарии с близнецами Ромулом и Ремом и вскормившей их волчицей... вот монеты Сицилии пятого века до нашей эры. Они славятся тем, что на них можно увидеть колесницы на беговых состязаниях...

Кирюша зевал, тер кулачком глаза и капризничал.

– Ладно, иди! – сокрушался профессор. – Ты еще слишком мал!

Однако возраст не прибавил мальчику любви к монетам. И Николай Авдеевич продолжал заниматься ими в одиночестве.

Если бы не это его пристрастие, денег бы на все хватало: и на достойное содержание семьи, и на домработницу. Но коллекция требовала значительных вложений. Перед Николаем Авдеевичем встала проблема, которую так или иначе надо было решать.

И тут супругам несказанно повезло. Из далекой глухой орловской деревни приехала погостить к московской родне Серафима, двоюродная тетка Риточки. Да так и осталась на постоянное жительство. Она была незамужняя, бездетная, зато очень добрая, покладистая и работающая.

– Какая у вас, городских, работа? – искренне недоумевала она. – Вода прямо в доме, горячая и холодная, печку топить не надо, скотину обихаживать не надо, огород копать не надо, белье машина сама стирает! Это ж райская жизнь! Умирать не захочешь.

Серафима всю свою нерастраченную нежность и душевное тепло делила между супругами поровну, а маленького Кирюшу просто обожала. Он был ее любимцем, баловнем, которому она до восемнадцати лет приносила горячий шоколад в постель.

По прошествии некоторого времени Николай Авдеевич выхлопотал через университетский профком комнату в коммуналке для Серафимы, чтобы она не чувствовала себя «приживалкой». Серафима ничего такого и не чувствовала, ей это даже в голову не приходило. Получив комнату, она не обрадовалась, а, наоборот, расплакалась.

– Что с тобою, Симочка? – растерялся профессор.

– И-избавиться от меня хоти-и-те, надоела я вам, – рыдала Серафима, всхлипывая и вытирая лицо фартуком. – Сирота-а я неприка-а-янная...

Николай Авдеевич удрал в свой кабинет и закрылся там, а Маргарита Георгиевна с трудом успокоила тетку, выпив с ней на пару изрядное количество валерьянки и пустырника. Комнату решили сдавать, а жить Серафима будет у Дубровиных, как и раньше.

Жизнь шла своим чередом.

Кирюша вырос, закончил школу и университет. Папа через знакомых устроил его на работу в небольшую фирму, занимающуюся компьютерами. Маргарита Георгиевна превратилась в дородную даму, и все принимали ее за дочь Николая Авдеевича, который сильно пострадал и потерял свою былую представительность.

В самый разгар жаркого московского лета тетка Серафима умерла. Комнату свою она завещала Кириллу. На семейном совете решили комнату продать, добавить остатки сбережений и приобрести Кириллу отдельную квартиру.

– Мальчику необходимы свобода и самостоятельность, – говорил профессор.

На самом деле Николаю Авдеевичу страшно надоели друзья сына, от которых не было никакого покоя. Развязные молодые люди, невоспитанные девицы то и дело собирались в их просторной квартире, пили, курили, включали громкую музыку, танцевали, хохотали во все горло и нахально разгуливали по всем комнатам.

У профессора от всего этого болела голова, он не мог сосредоточиться на своих теоремах и выкладках, раздражался, сердился, принимал валидол и с видом мученика жаловался жене на молодежь. Больше всего профессора беспокоила сохранность его коллекции. Вдруг ретивые мальчики и девочки узнают, какие ценности хранятся в доме? От них можно ожидать чего угодно!

– Пойми, Рита, – взывал он к сознательности супруги. – Год назад я обменял несколько превосходных греческих монет на золотого «Французского ангела». Это самый «счастливый» талисман в мире! Его история началась с Огюста Дюпре, которому король Луи XVI поручил заняться новой валютой. Были отчеканены легендарные двадцатифранковики с изображением ангела.

– Ну и что?

Николай Авдеевич перешел на шепот.

– Ходили слухи, что Дюпре использовал золото, созданное алхимиком Лестатом. Во время Французской революции эта уникальная монета спасла жизнь своему создателю. Дюпре приговорили к казни на гильотине... Когда он взошел на эшафот, в его кармане лежал «Ангел». Осужденный преклонил колени, произнес молитву, положил голову под смертоносное лез-

вие... и тут произошло чудо. В колокольню ближайшей церкви ударила молния: полыхнуло пламя, раздался оглушительный грохот... В толпе зевак на площади возникла паника, и казнь отменили. А спустя несколько месяцев Дюпре выпустили из тюрьмы. Слава о монете-талисмани разнеслась по всей Франции, по всему миру... Капитаны морских судов не пускались в плавание без «French Angels», пилоты во время Первой мировой войны не поднимались без них в небо. А во Вторую мировую войну «Счастливых Ангелов» выдавал летчикам-истребителям Люфтваффе сам Герман Геринг... в качестве награды...

Маргарита Георгиевна смотрела на мужа, как на умалишенного.

– И вот... теперь монета у меня! – похвалился тот.

– Значит, ни тебе, ни твоей коллекции ничего не грозит, – парировала она. – Не устраивай бурю в стакане воды, дорогой. Кирюша не может проводить время в подворотне! Пусть лучше ребята гуляют у нас на глазах. По крайней мере, они не наркоманы! Здесь я ничего плохого не допущу. А если мы не будем знать, где и с кем находится наш сын, то...

Она никогда не заканчивала эту тираду, закатывая глаза и воздевая руки к потолку. Николай Авдеевич был бессилен что-либо изменить и переживал молча. Это серьезно подтачивало его и без того не железное здоровье. Купить сыну квартиру стало его навязчивой идеей.

Денег, которые Маргарита Георгиевна получила за комнату Серафимы, не хватало. Пришлось продать дачу в Клязьме и старую машину. Добавив почти все, что у них было отложено, родители Кирилла еле набрали необходимую сумму.

Так Кирилл стал владельцем отдельной двухкомнатной квартиры в Неопалимовском переулке. Той самой, в которую он со дня на день собирался переезжать.

На мебель денег не осталось, поэтому Маргарита Георгиевна отдала Кириллу стол и диван, которые стояли в его комнате. В общем, все складывалось удачно. Кроме отношений с соседями.

Кирилл Дубровин вздохнул, останавливаясь у своей новенькой двери и доставая ключи. На лестничной клетке было тихо. Он открыл оба замка и вошел. Шаги гулко раздавались в пустой квартире. Пахло деревом, лаком, клеем и новыми обоями.

– Черт знает что! – возмутился Кирилл, ставя на плиту чайник. Необъяснимое поведение соседней ставило его в тупик.

Он напился чаю, принял горячий душ и прилег на диван. Ощущение полного одиночества и свободы было довольно-таки непривычным. Сегодня выходной, и Кирилл мог делать что хотел – бездельничать, валяться, мечтать о чем-нибудь или спать. Никому не было до него дела. Он вспомнил девушку из аптеки, где покупал перевязочные средства, и невольно улыбнулся. Девушка была красивая – высокая, гибкая, с длинными, очень светлыми волосами. Имя у нее оказалось необычное – Леонтина. Редкое имя. Кирилл, во всяком случае, такого еще не слышал.

Дубровину не составляло труда заводить знакомства с женщинами. Он имел развитое, сильное тело, приятное лицо, коротко стригся, одевался модно и подчеркнуто аккуратно. Невысокий рост его ничуть не портил, скорее наоборот. Серо-голубые глаза смотрели жестковато и несколько насмешливо. Женщинам все это нравилось. Особенно им импонировала его манера общения, безукоризненно вежливая, небрежно-светская и любезная. Кириллу было тридцать два года, и он еще не был женат.

Леонтина, которая работала фармацевтом в аптеке, произвела на него впечатление. Кажется, он ей тоже понравился. Погрузившись в приятные воспоминания и фантазии, Кирилл задремал.

Пронзительный звонок в дверь вывел его из забытья.

Что-то небывалое! За все время, как он купил квартиру, к нему звонили впервые. Правда, приходили рабочие, но это не в счет. Во-первых, у них были ключи, а во-вторых, в субботу – выходной. Родители уехали к друзьям за город. Антон, друг Кирилла, единственный, кто

знал о его новой квартире, сегодня работает. Если бы он собирался прийти, то обязательно предварительно позвонил бы по телефону.

Кирилл подошел к двери с некоторой опаской, посмотрел в «глазок». На полутемной лестничной площадке стояла растрепанная женщина средних лет, она плакала. Он скорее почувствовал, чем увидел это ее состояние растерянности и горя.

– Извините, ради бога, – проговорила женщина, как только Кирилл открыл дверь.

Она была без верхней одежды и в тапочках. Неужели соседка? У Кирилла на лице было написано такое удивление, что женщина еще больше смутилась.

– Мне пришла телеграмма, – продолжала она, всхлипывая и сморкаясь в огромный мужской носовой платок. – Я из Мурманска.

Кирилл ничего не понимал. Она из Мурманска? И что?..

– Это город Москва! – мягко сообщил он странной посетительнице и улыбнулся.

– Я... я знаю... – женщина кивнула головой и громко высморкалась.

– Да вы заходите, – предложил Кирилл, пропуская женщину в прихожую.

– У вас ремонт, – она оглянулась, переминаясь с ноги на ногу. – Вы заняты, наверное...

– Я бы так не сказал, – снова улыбнулся Кирилл. – Чем могу быть полезен?

– Я из Мурманска, – повторила женщина. – Муж ушел в плавание, вернется только через месяц, а тут... телеграмма.

– Какая телеграмма? – не выдержал Кирилл. Он видел, что женщина расстроена и еле стоит на ногах. – Вы проходите в комнату. У меня стульев нет, не успел еще обзавестись. Присаживайтесь на диван!

Женщина уселась, продолжая шмыгать носом.

– Приходит почтальонка вчера утром. «Плохая телеграмма тебе, Галина!» – говорит. Я гляжу, из Москвы сообщают, что дядя мой, Алексей Петрович, умер. Он мне даже и не дядя. – Она вздохнула. – Так, дальний родственник. Я в родстве не очень-то разбираюсь... Он всю жизнь проплавал и за границей бывал. Семей так и не обзавелся. Ни жены, ни детей! Никого, кроме меня... Так получается.

Кирилл вежливо слушал.

– Вы простите, молодой человек, – спохватилась женщина. – Я вам зря все это рассказываю. Но... Кроме меня, хоронить его некому, ну и наследство оформить надо. Квартиру-то он мне свою отписал! Царствие ему небесное! – Она торопливо и неумело перекрестилась. – Села я на самолет – и в Москву. Город чужой, все чужие. Еле по адресу дом нашла. Ни души у меня тут знакомой нет! Как все делать, оформлять, какие документы, справки нужны, не знаю. Пароходство, где он всю жизнь проработал, за тридевять земель находится, во Владивостоке. Квартиру он эту в Москве неожиданно как-то купил, сразу. И где деньги взял? Наверное, всю жизнь копил. Один жил. Какие расходы?

– Так вы...

– Я сегодня только прилетела, – не дослушала женщина. Она торопилась рассказать все о своих проблемах. – И что за люди здесь живут? Никто даже дверь открыть не желает! Спросить некого, куда идти, что делать? Соседи, называется! Прячутся, как мыши по норам. Или это здесь заведено так?

– Нет! – ответил Кирилл. – Я сам удивляюсь. Вам никто не открыл?

– Никто! – Женщина заплакала. – Меня зовут Галина Ивановна, – без всякого перехода добавила она. – А вас?

– Кирилл.

– Красивое имя.

Кирилл пожал плечами. Он привык к своему имени и считал его обыкновенным.

– Я звонила почти ко всем. А пустили меня только вы! Алексей Петрович жил на пятом этаже. Собственно... – она показала на потолок, – он и сейчас там. Лежит... Вы мне не можете?

Кирилл подумал немного и кивнул головой.

– Пожалуй. У нас недавно Серафима умерла. Так что я знаю, куда надо идти, какие бумаги оформлять. Я вам все запишу. Сейчас... – Он достал ручку, вырвал листок из блокнота и записал все необходимое. – Вот. Остальное придется узнавать в ЖЭКе. Соседи тут действительно ведут себя... непонятно. Так что рассчитывать придется только на себя.

– Знаете... – Галина Ивановна смутилась. – Вы не подниметесь со мной наверх? Боюсь я одна с покойником. А?

– Ладно.

Кириллу не хотелось куда-то идти, но он не мог бросить на произвол судьбы женщину. К тому же внезапно ему пришла в голову мысль, что он сможет побывать хотя бы в одной из квартир этого загадочного подъезда, увидеть воочию, причем близко, ее хозяина. Пусть мертвого. Все равно интересно.

– А кто вам телеграмму прислал? – спросил он, пока они ехали в лифте на пятый этаж.

Галина Ивановна шмыгнула носом и развела руками.

– Не знаю. Подписано – социальная служба. Дядя ведь был одиноким. Может, из собеса кто или... Понятия не имею! – заключила она.

– А как вы в квартиру попали? Ключи где взяли?

– Под ковриком. Я к двери подошла, толкнула – заперто. Удивилась очень. Знаете, когда покойник в доме, дверь всегда открыта. Во всяком случае, я так думала. А тут... Ну, постояла я, никто не открывает. Позвонила в соседние квартиры. Тоже ничего. Что делать? У меня ноги от усталости подкашиваются, сил нет! Сколько я по Москве набегалась без привычки! Стою и плачу. И тут мысль мне пришла: посмотреть под ковриком. Люди часто так делают... Ключ, на мое счастье, там и лежал.

Галина Ивановна открыла дверь и пропустила вперед Кирилла.

В квартире стоял стойкий запах сандалового дерева и хорошего дорогого табака. В небольшой прихожей было темно.

– Идите сюда, – отчего-то шепотом позвала его Галина Ивановна.

Кирилл поймал себя на том, что старается ступать бесшумно, как вор. Страх он не испытывал – только жгучий интерес. Было немного не по себе. Как будто за ними наблюдал кто-то невидимый.

В комнате горел свет. Кирилла поразила обстановка. Жилище одинокого пенсионера оказалось довольно необычным.

Сама по себе комната была огромная, стены обиты гобеленами, на которых преобладали морские мотивы. Тихие воды, укромные заливы, корабли, дрейфующие у зеленых берегов, бледные небеса с курчавыми облаками, как на пейзажах великих голландцев. Окно занавешено атласными шторами цвета морской волны.

Мебели мало – сделанный на заказ деревянный неполированный стеллаж во всю стену, мягкий уголок, низкий столик, книжные полки. Стеллаж сплошь уставлен диковинками со всех концов света – морскими раковинами, высушенными крабами, лангустами, экзотическими плодами, посудой, статуэтками, оружием, коробочками и ларчиками, бутылками, африканскими масками... Чего тут только не было!

На низком столике разложены принадлежности для курения – всевозможные трубки, мунштуки, портсигары, коробки с разными видами табака, дорогие зажигалки и прочее.

– Видите? – прошептала Галина Ивановна, присаживаясь на краешек шикарного дивана. – Эти вещи он привозил из рейсов? Как вы думаете?

Кирилл покачал головой. Он еще не все рассмотрел. Над диваном висели две картины. Одна – морское сражение парусных судов; другая – шторм в океане. Что-то похожее на Айвазовского.

– А где...

Галина Ивановна поняла, о чем хотел спросить Кирилл, и показала рукой на ширму, отгораживающую один угол комнаты. Ширма была тоже гобеленовой, поэтому не бросалась в глаза.

Хозяин квартиры лежал на велюровой кушетке, одетый в новый костюм, со сложенными на груди руками. Длинные седые волосы аккуратно причесаны. На правой руке – татуировка: якорь. Лицо почти такое же белое, как и волосы.

– Это ваш дядя? – шепотом спросил Кирилл у Галины Ивановны.

– Наверное. Я его при жизни ни разу не видела!

– Вы его документы нашли?

– Ага! Паспорт и все остальное... В шкафу с книгами, прямо на средней полке. И деньги там. Немного, но на похороны хватит.

Кирилл посмотрел на фотографию в паспорте. Покойник и вправду оказался Алексеем Петровичем, во всяком случае похож. Те же резкие черты лица, тяжелый подбородок, длинные волосы. Сомневаться не приходилось.

– Это он! – подтвердил Кирилл.

– А вы что же... думали...

– Странно все это. Вы не находите?

– Нет, – удивилась Галина Ивановна. – Дядя был один на всем свете. Жил один, и умер один. Это как раз понятно.

Кирилл так не считал, но решил не спорить. Какое его дело?

– Давайте распределим обязанности, – предложил он. – Вы идите, оформляйте все бумаги, а я позвоню кое-куда, договорюсь о помощи. Вдвоем нам не справиться.

– Позвоните отсюда, вот телефон. Вы не могли бы побыть здесь, пока я приду? Нельзя покойника оставлять одного.

Кирилл все еще думал, соглашаться ему или нет, как Галина Ивановна мгновенно собралась и ушла. Похоже, выбора у него не было. Он задвинул ширму, чтобы не видеть мертвого, и принялся рассматривать заморские вещицы, собранные бывшим моряком.

Нельзя сказать, что Кирилл Дубровин боялся, но ему было неудобно. Легкое беспокойство, тревога непонятного происхождения заставляли его напрягаться. Он старался не смотреть в сторону ширмы, что ему почти удавалось.

Книг у Алексея Петровича было немного, и все – про море и морские приключения. Кирилла это не увлекало. Лучше посмотреть на трубки и сигары.

Ароматы бесподобные! Сразу пришли на ум таверны далекой Ямайки, шум заокеанских портов, свежие ветры странствий. Моряк был с понятием, вещи любил отменные! Несколько перламутровых раковин-пепельниц были просто великолепны. Кирилл поднес одну из них к уху, прислушался. Где-то отдаленно зашумел прибой, набегая на песчаную отмель, там пахло водорослями и тропическими цветами. В тени пальмы притаилась прохладная свежесть...

В какой-то момент Кириллу показалось, что одежда ему мешает. Стеснение во всем теле заставило его нервно оглянуться. Да что это с ним? Неужели он боится? Черт, как неприятно! Напрасно он согласился остаться.

– Кирюша, тебе пора научиться говорить: «Нет!», – вспомнил он слова мамы. Она, как всегда, была права.

Кирилл положил раковину на место и пошел звонить. Ему удалось договориться обо всем, что он наметил. Когда вернулась Галина Ивановна, порядок действий уже выстроился в уме Кирилла со всеми подробностями.

Глава 2

Виктория выбрала себе помаду гранатового оттенка. Оригинально и неброско. Она всегда выбирала самое лучшее из возможного. На себя ни усилий, ни средств жалеть не стоило. Выходя из магазина, она подумала, что еще успеет забежать на работу.

Рабочий день закончился, и помещение фирмы, где Виктория работала бухгалтером, опустело. Она оказалась в офисе почти одна, если не считать двух охранников.

«Выпить, что ли?» – подумала женщина.

У нее испортилось настроение. Сегодня был сумасшедший день: много клиентов, уйма работы – даже на обед не удалось сходить. Пришлось звонить Клавдии, отказываться от встречи. Они должны были поговорить о делах. Клавдия была подругой Вики со студенческих лет, помогала ей делать курсовые, сдавать экзамены. Если бы не Клава...

Виктория не очень хорошо училась. Бухучет она ненавидела всей душой, никогда его не понимала и не слишком-то стремилась к этому. После института она устроилась на работу без труда благодаря любовнику. Вернее, одному из любовников. Их у Вики всегда было несколько. Но вот работать приходилось самой, а это получалось плохо. Не хватало знаний. И Вика решила позвонить Клавдии. Так возобновилась старая дружба.

Виктория включила кофеварку, налила себе немного коньяка, выпила и задумалась. Ее беспокоили многие проблемы, касающиеся работы, особенно вексель, связанный с поставками шведских партнеров. Клавка наверняка что-нибудь придумает. Она уже столько раз выручала Вику! Выручит и на этот раз. Хорошо, что подруга не болтлива и никому не рассказывает, сколько ей приходится выполнять работы вместо Виктории. Конечно, за ее услуги приходится платить, но совсем недорого. В сущности, это гроши, если учесть, сколько раз она спасала Викину репутацию.

На другом конце Москвы, на проспекте Вернадского, спускалась в подземный переход та самая Клавдия, о которой размышляла эффектная и преуспевающая сотрудница фирмы «Инвест-сервис» Виктория Мураткина.

Клавдия тоже была расстроена и едва не подвернула ногу, споткнувшись на скользкой лестнице. К вечеру погода испортилась, моросил противный мелкий дождик, похолодало. Пора надевать плащ. От этой мысли Клавдии стало еще хуже. Плащ был старый, давно вышедший из моды. Но денег на хорошую одежду не хватало.

Хозяин частного предприятия, на котором она работала уже десять лет, был необыкновенно, патологически скуп. Он экономил на всем и, возможно, благодаря этому смог кое-как наладить свой собственный бизнес. Арнольд Вячеславович Климов был директором старой закалки, дело свое продвигал мучительно и с огромными трудностями. Неплохую прибыль оно стало приносить ему только в последние два года. Но директор упорно не желал повышать зарплату сотрудникам, половина из которых давно разбежались.

У Клавдии было много работы, а денег едва хватало на еду и квартплату. Но уходить она не собиралась. Куда ей идти? Она неудачница. Замуж так и не вышла, хотя ей уже тридцать четыре года. Страшно подумать, на что ушла ее жизнь!

Приехав домой, она медленно разделась и села на истертый пуфик в прихожей. Вся мебель осталась от мамы, которая недавно вышла замуж и переехала жить к новому мужу, а квартиру оставила дочери. Отца своего Клавдия не знала. Они с мамой были не расписаны, а когда выяснилось, что скоро появится ребенок, папаша поспешно сбежал, не оставив адреса. Так что Клавино невезение началось еще тогда, в материнской утробе. И длится по сию пору.

Ей не везло во всем и всегда! И сегодняшний день – не исключение. Она опять промочила ноги. Ботинки старые, много раз чиненные, а новые купить не на что. Женщина устало

вздохнула. Ей хотелось плакать, как всегда при виде жалких изношенных вещей, которые ей приходится носить. Господи! Ну почему ее жизнь складывается именно так?

Красавицей она никогда не была, но в молодости на нее иногда обращали внимание. У нее даже были женихи. Они ухаживали за Клавдией, а женились почему-то на других. Чем-то она отталкивала мужчин. Может быть, именем? Надо же было так умудриться назвать девочку – Клава! Мама в ответ только пожимала плечами. Чем плохое имя? Да всем! Всем!

Клавдия надела тапочки и отправилась на кухню. Поставила чайник. Тоска не проходила. Впереди маячило невыносимое, тягучее одиночество.

Она давно перестала за собой следить: краситься, делать прическу. Волосы собирала сзади в хвост и закалывала, носила одну и ту же юбку, меняя два свитера – черный и серый. Исключительно тогда, когда надо было один из них стирать. Лицо ее было лишено красок, тусклое, с невыразительными глазами и бесцветными ресницами. Полноватая, неизящная фигура, понурый вид. Хоть вовсе не подходи к зеркалу!

Интерес к жизни угас так давно, что она уже забыла, когда это произошло. Каждый день был похож на предыдущий как две капли воды. Такой же скучный, унылый и безнадежный. Работа, магазин, троллейбус, дом... Все. Подруги обзавелись семьями и постепенно перестали приглашать в гости, звонить. С днем рождения ее поздравляла только мама, уже несколько лет. В этот день Клава покупала торт, какое-нибудь вино и пила в комнате чай, глядя на экран телевизора и глотая слезы.

От грустных мыслей ее отвлек телефон. Звонила Вика, давняя подруга, единственная, с которой можно было поболтать, излить душу.

– Клавка, привет! У меня к тебе просьба. Догадываешься, какая?

Она догадывалась. Вика снова предложит сделать за нее часть работы. Платит она за это очень мало, чисто символически. Но ведь неудобно брать с подруги деньги! Клава всегда чувствовала себя неловко, когда приходилось это делать. Стыдно признаться, но она обрадовалась подвернувшейся работе: по крайней мере сможет купить себе новые ботинки. Посидит пару вечеров и все сделает. Все равно ей нечем больше заниматься.

– Конечно! – ответила она. – Я все сделаю, Вика. Тебе, как всегда, срочно?

– Вот именно! – засмеялась Вика. – Сегодня не получилось пообедать вместе. Давай хоть поужинаем! У тебя можно?

– Могла бы и не спрашивать. Я, как всегда, одна-одинешенька.

– Тогда жди. Я с работы звоню. Сейчас забегу в Елисеевский – и к тебе. Вина взять?

– Ага. Красного! И сигарет.

Клавдия вообще-то не курила. Так, баловалась иногда. Когда уж очень тоскливо было. Вот как сейчас! Хорошо, что приедет Вика, привезет чего-нибудь вкусенького...

Вика тоже не замужем, но только потому, что сама не хочет. Мужчины от нее без ума. Она красивая, яркая, стильно одевается. И денег полно. Как это ей удастся? Любовников у нее всегда несколько. Она говорит, что так и должно быть. Один, гинеколог, – для пользы. Другой, бизнесмен, – для благосостояния. Ну а третий – для души. И ни один из них о других и не подозревает! Клава бы обязательно запуталась, проговорилась бы и попала впросак. Вика не такая. Она умная и расчетливая. Настоящая деловая женщина! Даже имя у нее соответственное – Виктория, победа! А тут – Клава! О каком везении может идти речь?

Клава вздохнула и пошла открывать дверь «ослепительной Виктории» – так она называла подругу.

«Как ей удастся так шикарно выглядеть?» – думала Клавдия, протирая стаканы.

– Вика! – не выдержала она. – Какая ты элегантная!

Подруга сидела на старом раскладном диване, словно сказочная Шемаханская царица в хижине бедного крестьянина. Ярко-красная мини-юбка и черная прозрачная блуза из бутика, ухоженные блестящие волосы, бриллиантовые серьги в ушах. Густо накрашенные глаза смот-

рели снисходительно и жалостливо. Бедная Клавка, какая же она все-таки серая мышка! Хорошо еще, умом бог не обидел – в смысле работы, а то совсем пропала бы. Убогая она какая-то!

– Клавдия, я тебе бумаги оставляю. До послезавтра сделаешь? – спросила Вика.

– Постараюсь. Что там?

– Я все записала, найдешь в папке.

– Хорошо.

Они закурили. Ароматный дымок поплыл к потолку.

– Как твой Арнольд поживает? – поинтересовалась Вика. – Противный мужик! Занудный до ужаса. Как ты с ним столько лет выдержала?

– А что делать? Кто меня на работу возьмет? Сейчас или по знакомству, или по внешним данным принимают. У меня ни того, ни другого, сама знаешь. Вот и приходится терпеть Арнольда. Он странный какой-то стал в последнее время!

– Странный?

– Ага. Пригласил меня в прошлую пятницу после работы в ресторан. Представляешь?

Виктория недоверчиво хмыкнула:

– Арнольд?

– Я своим ушам не поверила! Испугалась до смерти. Мне и пойти-то не в чем! Отказаться тоже нельзя. Стыда натерпелась! Как на меня там официанты смотрели, не передать... Зачем это ему понадобилось? Как ты думаешь?

– Ну, мало ли, может, он на тебя глаз положил.

– Да ты что! У него жена, дети.

Виктория засмеялась.

– Клавка, ты и правда блаженная! Сколько тебе лет? Такое впечатление, что ты из глухой деревни в Москву приехала, причем неделю назад, не раньше!

– Я здесь родилась, – обиделась Клава. – А у Арнольда просто крыша поехала. Вот он и... взбесился! Мы сидели, сидели, ели, пили, танцевали. Он как-то странно смотрел, пыхтел подозрительно. А в конце будто с цепи сорвался! Наорал на меня.

– Это от жадности. Ему ведь пришлось заплатить!

Подруги засмеялись. Арнольд Вячеславович был не в меру прижимист, и приглашение в ресторан с его стороны выглядело действительно из ряда вон выходящим событием.

– Он в тебя влюбился, – предположила Виктория. – Иначе ни за что бы не удостоил такой чести!

– А мне другое кажется, – возразила Клава. – Он меня уволить хочет.

У Вики брови поползли вверх. Дурак он в таком случае. Кто ж ему еще за такие гроши будет столько работы делать? Причем весьма квалифицированно. Клавка – бухгалтер от бога, как говорится. Лучшего и желать трудно. Ай да Арнольд!

– С чего ты взяла? – спросила она.

– Не знаю. Чувствую, и все! – ответила Клава.

Вике стало жаль подругу. Клавдия – добрая и бесхитростная. Почему ей так не везет? Несчастливая она какая-то.

– Слушай, Клава, ты бы себе мужика нашла, что ли? Замуж тебе надо. Немедленно! Ты ж к жизни не приспособленная! Пропадешь одна. А тот твой, Анатолий или как там его, куда делся?

– Женился давно. На ульях.

– Что? – не поняла Вика.

– Ну, он себе все хозяйку искал хорошую, из зажиточной семьи. У его жены отец фермер, пчел разводит. Я точно не знаю... А со мной он так только, время проводил.

– Вот сволочь! – возмутилась Вика. – Сколько он тебе голову дурил! Жрал тут, спал, носки стирал! А сам... Вот козел!

У Клавы глаза наполнились слезами. Анатолий поступил с ней жестоко. Он действительно ходил к ней обедать и ужинать, частенько ночевал, смотрел влюбленными глазами, возил за город. А в один прекрасный день пропал. То есть просто перестал приходить и даже звонить. Как в воду канул.

Клава долго недоумевала, что могло с ним произойти, придумывала всякие оправдания. Она никак не могла взять в толк, почему нужно было вести себя именно так. Почему он не сказал ей, что женится? И вообще, зачем он к ней ходил столько времени? Ухаживал? Поведение мужчин иногда бывает просто необъяснимым! Лучше совсем с ними не связываться. Так будет спокойнее. Меньше хлопот и переживаний.

– Знаешь что, Клавдия, я тебе газет принесу, целую пачку! – заявила Вика. – Там полно брачных объявлений. На любой вкус. Выбирай только!

– Ой, не хочу я уже ничего, – вздохнула Клава. – Поздно. Поезд ушел.

– Не говори ерунды! Жить надо, а не книжки читать! Сколько ты их перечитала, а толку что?

У Клавдии было одно увлечение: она читала романы о любви. Это заменяло ей то, чего у нее в действительности не было. Она переживала чужие страсти и чужое счастье. Потому что уже не надеялась на свое собственное. Она мало походила на героинь, о которых писали в книжках. Ни заманчивой внешности, ни авантюрных наклонностей у нее не было и в помине. Она могла только мечтать. И в этих своих мечтах она переживала все то, чего была лишена в жизни. Погружаясь в другой, загадочный и волнующий мир приключений и любовной интриги, она забывала о том, что у нее никогда ничего подобного не было и не будет, что она неудачница, невзрачная и неинтересная, несостоявшаяся как женщина, как возлюбленная...

– Давай выпьем! – Вика налила еще вина. – За тебя. Я все-таки принесу газеты. Чем черт не шутит?

– Ладно, неси. – Клавдия решила не спорить.

Вика поболтала еще немного и стала собираться домой. Она тоже жила одна. Но это была только видимость. Мужчины сменяли один другого, как почетный караул. И прежде чем прийти, обязательно звонили. Вика строго придерживалась этого правила, иначе невозможно было бы регулировать такого рода взаимоотношения. Обязательно возник бы скандал. А это уже ни к чему. Совсем ни к чему!

Поэтому Вика торопилась. К определенному часу она должна быть дома. Клава знала об этом и не стала задерживать подругу. На улице стемнело. Вика вызвала такси, она не любила в позднее время разгуливать одна по городу.

Клавдия снова осталась одна. Вдобавок у нее еще и зуб разболелся на ночь глядя. Она поискала в шкафчике анальгин, приняла полтаблетки и попыталась уснуть. Пришлось долго ворочаться с боку на бок. Зуб ныл, дергал и не давал покоя почти до самого утра.

Утром Клава приняла анальгин и посчитала, сколько денег осталось до полочки. Если она пойдет сегодня к стоматологу, то потратит почти все. Бледная, расстроенная, невыспавшаяся, в старом плаще, она шла в толпе прохожих, как привидение. «Летучий голландец» – так она в шутку называла себя, имея в виду, что этот мир давно стал для нее чужим.

На работе ее ждал еще один сюрприз. Она уволена! У нее есть неделя на то, чтобы передать дела новой сотруднице. Потом она может убираться на все четыре стороны. Вот так! Ни благодарности, ни снисхождения... За все, что она сделала для предприятия и для его директора, предложили убираться вон! Это все, чего она заслуживает.

Клавдия приводила в порядок бумаги, компьютерные файлы, разбирала содержимое сейфа. Она должна все оставить в идеальном виде. Зуб болел все сильнее, отдавая в висок, в

ухо. Анальгин больше не помогал. Клавдия села за свой рабочий стол, уронила голову на руки и заплакала.

– Извините...

В ее рабочий кабинет осторожно проскользнула высокая размалеванная девица в мини-юбке, со взбитыми рыжими волосами. И это – бухгалтер Арнольда Вячеславовича? Клавдии казалось, что она спит и видит сон. Сейчас она проснется, и все окажется по-другому. Девица исчезнет, а Клавдия снова сможет работать там, где она привыкла, где все было ей знакомо как свои пять пальцев.

– Это будет мой кабинет! – заявила девица. – Арнольд Вячеславович сказал, чтобы вы меня всему научили!

– Да, да, конечно. – Клавдия прижала руку к щеке. Зубная боль становилась по-настоящему невыносимой. – Я вам все покажу, расскажу. Как вас зовут?

– Нелли! – Девица смешно переступала длинными ногами на огромных каблучищах.

«Что он нашел в этой девице? – подумала Клава. – Наверное, то, чего нет и не может быть во мне. Есть разные породы женщин. Те, которых любят, которым все удастся, и другие, мимо которых проходит все самое лучшее, протекает между пальцами как вода. Не удержать!»

Она вытерла слезы и приступила к своим последним обязанностям. К концу дня Нелли должна быть в курсе всего, что входит в ее компетенцию. Еще на неделю Клавдия здесь не останется. Ни за что! Денег ей за это все равно не заплатят. Так лучше она выполнит работу для Вики. Тем более что срок поджимает.

Она вышла из здания фирмы, когда уже совсем стемнело. Город переливался разноцветными огнями. Высоко над ним стояло бездонное черное небо, полное звезд.

Клавдия вздохнула и посмотрела на часы. Государственная поликлиника уже закрыта, придется идти в платную. Закрутившись с делами, бумагами, компьютером, Нелли и прочим, она забыла про зубную боль, которая возобновилась с новой силой, как только Клавдия чуть-чуть расслабилась. Ночью будет еще хуже. Не стоит тянуть.

Подошел троллейбус. Стоматологическая поликлиника – через три остановки. Клавдия молча смотрела в окно, на сияющие витрины магазинов, неоновую рекламу, бледный свет фонарей. Прохожие с призрачными лицами спешили по своим делам. Тускло мерцала подсвеченная огнями золотеющая листва деревьев. Клавдии нравился ночной город, немного печальный, романтический и таинственный, словно сказочный мираж.

Врач принял ее, несмотря на позднее время, привел зуб в порядок. Он нехотя разговаривал, по привычке отвлекая внимание клиентки от неприятной процедуры. Впрочем, не такой уж и неприятной. После той боли, которую Клавдии приходилось терпеть на протяжении дня, это была просто легкая щекотка.

Выйдя из поликлиники, она решила пройтись немного пешком. В темноте ее старый плащ не так бросается в глаза. Она вспомнила, с каким презрением гардеробщица бросила ей одежду, и покраснела от стыда. Слишком часто ей было за себя стыдно: за свой вид, прическу, поношенную обувь, за то, что она не могла модно и красиво одеться. Раньше она думала об этом долгими ночами, плакала в подушку, а теперь... вроде уже и не надо. Во всяком случае, она не так остро реагировала на отсутствие самого необходимого. По сути дела, Клавдия ничего не могла себе позволить, побаловать себя вкусной едой, милыми безделушками, приятными развлечениями.

Это было ей недоступно с детства. Мама растила ее на скромную зарплату учительницы младших классов, дедушек и бабушек не было. Конфеты были долгожданной редкостью, только на день рождения и Новый год. Учеба в институте вспоминалась как тяжелый кошмарный сон. Клава даже собиралась бросить занятия, потому что у нее не было сапог, чтобы ходить зимой на лекции. Она всегда торопилась незаметно прошмыгнуть в гардероб и быстренько одеться, чтобы никто не видел ее старого пальто. По этой же причине она избегала студенче-

ских вечеринок, походов в театр, загородных прогулок. Не говоря уже о свиданиях. Пара старомодных платьев, смертельно надоевших, юбка, брюки и свитер – вот и все ее наряды.

С тех пор как мама вышла замуж и переехала, Клавдия стала жить на свою зарплату. Почти ничего существенно не изменилось. Разве что появилось чуть-чуть больше свободы. Она могла себе позволить поваляться у телевизора в выходные, засиживаться допоздна за работой или читать всю ночь напролет. Никто не спрашивал ее, как дела, не надоедал бесполезными разговорами и поучениями. Из подруг осталась одна Вика, да и та, пожалуй, поддерживала отношения скорее из деловых соображений, чем из дружеских. Она работала в серьезной фирме, а в бухучете разбиралась отвратительно. Как ей удавалось столько времени скрывать это от своего начальства, Клавдия не могла себе представить.

Она с удовольствием делала за Вику уйму работы; во-первых, потому, что ей это нравилось, во-вторых, потому, что Вика платила за работу деньги. Суммы, конечно, мизерные, но Клаве вечно не хватало то на одно, то на другое, поэтому каждый рубль был кстати.

Мысли о деньгах, как всегда, довели ее до слез. Она вспомнила, что сегодня ее уволили с работы, а денег почти не осталось. Все жалкие сбережения пришлось отдать стоматологу. Теперь вся надежда на Вику. Хоть на хлеб будет.

Клавдия давно подошла к остановке и успела замерзнуть, ожидая троллейбус. От нечего делать она стала читать объявления, которыми были оклеены стенки остановки. Множество предложений торговать косметикой и пищевыми добавками ее не интересовали. Приглашались распространители газет и печатной продукции, продавцы продовольственных товаров на оптовых рынках. Кто-то предлагал немалую сумму тому, кто найдет «кудрявую беленькую собачку с черными ушками».

В троллейбусе было тепло и пусто. Клавдия задремала и чуть не проехала свой дом. Поднимаясь по лестнице, она встретила соседку с собакой.

«В крайнем случае украду Джимми, – подумала Клава. – Соседи ее обожают, обязательно будут искать и, скорее всего, не посягнутся на вознаграждение... Господи! О чем я думаю? До чего я дошла?!» Она захлопнула дверь своей квартиры и устало прислонилась к стене.

Сегодняшний день лишил ее последних жизненных сил. Итак, ей уже тридцать четыре года, она некрасивая, толстая, одинокая, глубоко несчастная, а теперь еще и безработная женщина. Никому не интересная, никому не нужная на всем белом свете. Бестолковая, невезучая, замкнутая, озлобленная на всех и вся, мечтающая украсть соседскую собаку, чтобы потом вернуть ее за деньги! Есть ли более низкая степень падения? Или она уже достигла самого дна?

Да нет, это еще не самое плохое, если вспомнить грязных бездомных попрошаек, которых полно развелось в подземных переходах и метро.

Клавдия посмотрела на телефон. Звонить никому не хотелось. Даже маме. Что она ей скажет? Что Арнольд уволил ее, наконец? Заменял более молодой, накрашенной и длинноногой девицей? Что у нее нет денег заплатить за квартиру? Что у нее промокают ботинки, а плащ совсем вышел из моды? Что у нее нет зимнего пальто и придется ходить в осенней куртке и двух свитерах? Что она строит планы по похищению Джимми?

Это было уже слишком!

Клавдия отправилась на кухню и поставила чайник. Врач сказал, что есть нельзя в течение двух часов. Пока она заварит чай, поджарит пару блинчиков, как раз пройдет остаток времени.

Когда Клавдия обнаружила, что мука и сахар кончились, она наконец заплакала. Что происходит с ее жизнью? Все детство она мечтала наесться апельсинов и жареной курицы. Просто сесть и съесть целую курицу, без хлеба, без ничего. А потом апельсины – сколько хочешь, два, три, пять. У нее никогда ничего не было вдоволь!

Они с мамой мечтали, что, когда Клава выучится и будет работать, все в их жизни переменится. Что именно должно перемениться, они не обсуждали. Все! А что получается?

Она никак не могла отвести взгляд, когда другие женщины покупали колбасу, бананы, мандарины – не по одному килограмму – и тащили домой неподъемные сумки с едой. Хотя не ходи в магазины совсем! Клаве приходилось покупать фрукты по одной штучке, теряясь под презрительными и раздраженными взглядами продавщиц: ходят тут всякие нищие, отвлекают от работы! Из-за этого она многие продукты совсем не покупала. Стыдно было.

Как это другим людям удастся красиво одеваться, проводить отпуск на море, ни в чем себе не отказывать? На эти вопросы ответов у Клавы не было. Она, казалось, еще с рождения знала, что ей придется на всем экономить, носить что попало, питаться дешевыми продуктами, а отдыхать дома у телевизора или на крайний случай съездить в Сокольники или в зоопарк.

Мама ей говорила, что главное – это хорошо учиться. Что тогда все дороги будут перед Клавой открыты и она сможет жить так, как захочет. Клава и старалась, училась. Когда подружки звали ее на каток, в парк или просто на прогулку, она оставалась дома и зубрила, зубрила правила, стихотворения и параграфы. Она училась на одни пятерки и жила ожиданием вознаграждения за этот титанический труд.

То же повторилось и в институте. Она была отличницей, а самую лучшую работу получили бездарные и ленивые студенты, вернее, выпускники. Многие девчонки вообще не стали работать, а повыскакивали замуж за «новых русских» и теперь разъезжали по Москве на шикарных машинах, в дорогих шубах и бриллиантах, отдыхали за границей, нанимали гувернанток для своих детей.

Другие, как, например, Виктория, тоже неплохо устроились. И денег достаточно, и мужским вниманием не обижены, и работают спустя рукава. А Клава выполняла бесчисленное количество обязанностей, прекрасно освоила компьютер, досконально разбиралась во всем, что касалось финансов, учета, налогов, ценных бумаг. И что? Разве Арнольд ценил ее? Он сваливал на нее все, что только можно, а платил сущие гроши. А теперь дошло до того, что он ее уволил!

Клава иногда подумывала о том, чтобы поменять работу, найти другое место. Но никто не предлагал ей ничего лучшего. Куда бы она ни приходила, на нее смотрели равнодушно и немного брезгливо, выслушивали, кивали головами и... отказывали. Такая уж она невезучая! Ее счастье, видно, слишком далеко запрятано, за семью замками. И дороги к нему она не знает...

Глава 3

Кирилл окончательно расстроился, когда нанятые им рабочие стали забрасывать землей могилу. Алексея Петровича он не знал, никаких чувств к нему питать не мог, а вот поди ж ты... Неисповедимы движения души человеческой!

Галина Ивановна тихонько всхлипывала рядом, хотя тоже видела покойного впервые и знать ничего о нем не знала, пока он не преставился.

День выдался мягкий, солнечный и – прекрасный. Под ногами шелестела разноцветная листва, голубое небо отражалось и блестело в лужах, оставшихся после ночного дождя. Листья звенели на тонкой осине, притулившейся к кладбищенской ограде. Слышно было, как врезаются в мокрую землю лопаты, как осыпается влажная земля.

Когда все было кончено, Кирилл вытащил из спортивной сумки три бутылки водки. Две отдал мужикам, которые помогли им с Галиной Ивановной похоронить дядю, чтобы помянули за упокой души. Третью открыл сам, налил себе и женщине. Они выпили.

– Поехали домой? – предложил Кирилл. Он с утра в суете и хлопотах не успел позавтракать, и теперь водка ударила в голову. Да и настроение было мрачное.

Галина Ивановна вздохнула и кивнула головой.

Она всю ночь готовила угощение на поминки – жарила курицу, делала голубцы, жаркое, пекла пироги. Тесто для блинчиков оставила в холодильнике. Блины должны быть горячими. Сейчас они с Кириллом придут, сядут за стол, чтобы все было как положено.

Так, вдвоем, они и поминали покойного. Галина Ивановна сильно опьянела, подперла голову рукой и загрустила. Никто из соседей не пришел, ни одна живая душа.

– Что же это такое, а? – спросила она Кирилла. – Почему никто не пришел?

– Странные люди...

– И когда гроб на улице выставили на прощание, ни один человек не вышел. Мало того, они даже занавески на окнах задернули, чтобы в щелку кто не выглянул! Ну и народ... Дикари какие-то.

– Я здесь недавно квартиру купил, ремонт делал, так что соседей не знаю. Но за все это время почти никого и не видел. Перепуганные они все какие-то! От людей шарахаются. Такое впечатление, что без особой нужды носа из квартир не высовывают.

– Ага, – подтвердила Галина Ивановна. – Я когда мусор выносила, с бабкой разговаривалась. Она видела, как гроб привезли, спрашивала, кто умер. Ну, я ей сказала... Она как услышала, даже в лице изменилась. Нехороший, говорит, человек был – и перекрестилась. О покойном плохо не отзываются, но... Все соседи его боялись.

– Как это? – удивился Кирилл. – Почему?

– Зловредный дед был дядя-то мой! Прости, господи! Царствие ему небесное. – Женщина наклонилась, прошептала на ухо Кириллу: – И не в своем уме! Сам с собой разговаривал, кричал даже. Он ведь один жил в квартире, никто к нему не ходил. На кого он там мог кричать?

– Ну, мало ли... Старый человек, одинокий, больной. Может, у него склероз развился.

– В том-то и дело, что он здоровый был всегда как бык! Врач из поликлиники мне сказал, когда справку выписывал, что дед его за все время один только раз вызывал, за день до смерти. Сердце прихватило. Врач ему таблетки всякие прописал, уколы, а он только рассмеялся. Я, говорит, путешествовать люблю налегке. Лишний груз мне не надобен. Поэтому уколов мне никаких не делай. А потом денег ему дал и адрес мой, чтоб врач мне телеграмму послал.

– Чудной дед был, – согласился Кирилл. – Наша Серафима тоже от лекарств отказалась. Дайте, говорит, умереть спокойно! Заснула – и не проснулась. – Он помолчал. – А почему соседи его боялись? Он что, жалобы писал или надоедал им?

– Нет – тут другое! Он... сердитый очень был, нетерпимый. Если что не по нему, чуть ли не в драку кидался. Или говорил такое, что у людей глаза на лоб лезли.

Кирилл с сомнением покачал головой. Это не повод для страха. Сейчас многие старики ведут себя так же: старую жизнь не вернешь, а новая им не по вкусу. Остается только злиться на весь свет. Лучшие годы ушли безвозвратно, унесли с собою мечту о всеобщем рае. А сколько на это было потрачено сил, здоровья, юного, страстного порыва, светлых надежд? И что теперь? Одинокая, необеспеченная старость, изношенный организм, крушение идеалов... Правда, об Алексее Петровиче такого не скажешь. Деньги, судя по всему, у него водились, и на здоровье он не жаловался. Значит, просто скверный характер! Что ж, и такое бывает, сколько угодно.

– Не думаю, что желчный характер вашего дяди приводил соседей в такой трепет, – возразил он. – Должно быть что-то посущественней!

– Так я об этом и говорю! Женщина на первом этаже – торгашка; она по утрам с шофером, который за ней приезжал, слишком громко разговаривала. Даже кричала. Ну и ругалась, конечно. Вообще вела себя грубо и вызывающе: собаку свою огромную выводила без намордника, напивалась и прочее. Дядя ей сделал замечание, а она... вы можете себе представить! Обзывалась и вопила так, что весь дом переполошился. А через неделю ее собака сдохла. Потом киоск, в котором она рыбой и мясом торговала, сгорел. Муж ушел, ну, и...

Кирилл засмеялся:

– Уж не хотите ли вы сказать, уважаемая Галина Ивановна, что это все подстроил ваш дядя? По-моему, вы преувеличиваете.

– Преувеличиваю? – У Галины Ивановны сделались круглые от возмущения глаза. – Соседка, которая жила с ним на одной площадке, в угловой квартире, раз посмела его спросить, на кого это он кричит по ночам, спать не дает. Обещала в ЖЭК пожаловаться. И что вы думаете? На следующий день у нее сердечный приступ случился, прямо во дворе. Она на работу шла да так и упала. Пока «Скорая», то да се, а она уже богу душу отдала. Вот как! Мальчик с третьего этажа, который дяде нагрубил, упал с дерева и ногу сломал. Три месяца пролежал в гипсе! И так постоянно. Люди сначала сомневались, не верили, что такое возможно, а потом... Налейте мне еще водки!

Кирилл налил водки ей и себе, задумался. В порчу и сглаз он не верил. Столько сейчас всяких колдунов развелось, экстрасенсов, целителей и им подобных, что народ просто дурел! В любом совпадении, в любой неудаче привыкли винить «темные силы» или *карму*, как учат индусы. А на самом деле – это просто жизнь, в которой бывает такое, что нарочно не придумаешь: и хорошее, и плохое, и самое ужасное.

– О мертвых плохо не говорят. – Кирилл выпил и налил еще. Он здорово опьянел. – Дядя ваш был интересной личностью... Вон как свою жизнь сумел обставить! Но на колдуна он не похож. Вы нашли что-нибудь в квартире?

– Что именно?

– Ну, травки всякие засушенные, талисманы, карты, магический шар...

– Н-нет, ничего такого... – У Галины Ивановны уже слегка заплетался язык. – Карты есть, несколько колод. И книга, как раскладывать пасьянсы. Старик скучал один, вот и развлекался как мог. Какой из него колдун? Он всю жизнь проплавал механиком на судне, был секретарем судовой партиячейки, у него грамот целая куча в комод и благодарностей от пароходства... медаль даже есть, «Ветеран труда».

Кирилл подтвердил, что с такой биографией колдуном быть невозможно. Да и вся окружающая старика обстановка была лишена чего-то магического, необыкновенного. Она была непривычной, немного странной – да. Но и только.

– Спасибо вам, Кирилл! – сказала ему напоследок Галина Ивановна. Она заранее взяла билет на самолет и должна была уже ехать в аэропорт. – Не знаю, что бы я без вас делала!

Вы хороший человек. Возьмите себе что-нибудь на память об этих проведенных вместе днях! Что-нибудь ценное. Я хочу отблагодарить вас за помощь.

Кирилл выбрал несколько трубок, дорогую табакерку, на которой была изображена императрица Елизавета Петровна, старую монету в бархатном футляре – для отца, отличный испанский нож и африканскую маску, очень старую, из потемневшего дерева.

Все остальное Галина Ивановна решила продать через год, после того как выйдут все сроки, в которые могли объявиться еще какие-нибудь наследники или претенденты на имущество покойного Алексея Петровича.

Клавдия выходила из булочной, когда увидела на другой стороне улицы Вику.

Стояли чудесные, тихие и прозрачные дни сентября. Шорох падающих листьев в сквере наводил на элегические раздумья, навевал легкую и приятную печаль. Из кондитерской доносился запах кофе и ванили. Клавдии страшно захотелось хорошего крепкого кофе с пирожными. Увы! Она едва наскребла на полбуханки черного и батон. Этого должно было хватить на три дня. Обращаться за помощью к матери ей не позволяла гордость.

Одна надежда на то, что Вика заплатит за сделанную работу. Клава вчера почти все выполнила. Деятельность фирмы «Инвест-сервис», в которой Вика работала бухгалтером, она знала как свои пять пальцев. Почти все эти годы Вика обращалась к ней за помощью по самым разным вопросам. Так что ничего нового или непонятного для Клавы в этом не было. Но вчера, разбирая бумаги, она нашла среди них вексель. От проставленной в нем суммы у Клавдии волосы встали дыбом. Такая крупная сделка осуществлялась фирмой «Инвест-сервис» впервые!

Как Вика могла, отдавая ей папку с бумагами, ни словом не обмолвиться о векселе?! И, главное, зачем она вложила вексель в папку? Документ серьезный, а дело, по-видимому, еще серьезнее. И вот бухгалтер фирмы без всяких объяснений, ничего толком не сказав, передает вексель постороннему человеку! Это неслыханно! Правда, Клавдия не совсем посторонняя, но все равно...

Боже! Что люди себе думают?! Как они относятся к своим профессиональным обязанностям?! Виктория всегда было легкомысленной, но это уж переходит всякие границы разумного! Пришла, выпила, покурила, поболтала о том о сем... хи-хи, ха-ха... и ни слова о векселе! Это же черт знает что такое!

Клавдия не спала всю ночь. Мысли о векселе на время отодвинули на второй план увольнение с работы и прочие неприятности, которые валились на Клаву одна за другой. Она решила, что сегодня непременно позвонит Вике и обо всем подробно расспросит. Не по телефону, конечно. Такая масштабная сделка наверняка является коммерческой тайной фирмы. Лучше всего будет поговорить об этом у Вики дома.

И вот – удача! На ловца и зверь бежит. Виктория Мураткина, собственной персоной, в коротеньком норковом жакете и ярком беретике, идет Клаве навстречу.

– Вика! – Клавдия испугалась, что подруга возьмет такси и тогда ее не удастся выловить до вечера. – Вика!

Она побежала через дорогу, не обращая внимания на машины.

– Вика, привет! Как хорошо, что я тебя встретила! Ты мне так нужна! – воскликнула она.

– Я в магазин приезжала, прикупить кое-что из тряпок... – Вика улыбнулась, но улыбка вышла неуверенная. – У тебя что-то срочное?

– Ты торопишься?

– Да нет... Просто неважно себя чувствую. Тошнит, и голова кружится.

Вика действительно выглядела не самым лучшим образом. Бледная, подавленная. На нее это не похоже.

– Так, может, ты... – Клавдия подумала о беременности. С Викиными похождениями такое было вполне вероятно. Здоровье у подруги было хорошее, и, кроме редкого насморка, ее ничего не беспокоило.

– Может.

Вика поняла, на что намекает Клавдия, и болезненно поморщилась. У нее и в самом деле была задержка месячных, уже больше двух недель.

– Так ты не рада? – удивилась Клавдия.

– Вот дуреха! – возмутилась Вика. – Чему радоваться-то? Ну, ладно, это мои проблемы. Слушай, давай присядем, что-то мне совсем дурно...

Она достала из сумочки носовой платок и вытерла вспотевший лоб. Над верхней губой тоже выступила испарина.

– Давай я тебя домой провожу! – испугалась Клавдия.

– Ой, Клавка, как же мне тошно! Такая черная тоска навалилась... а отчего, не знаю. Как глыбой меня какой-то придавило – ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Глаза Вики наполнились слезами. Это было так удивительно, так неправдоподобно, что Клава сама себе не верила.

Она остановила такси и назвала Викин адрес. В машине подруге стало немного лучше, она повеселела и оживилась.

Но едва они переступили порог шикарной квартиры, как Вику вырвало. Она еле успела добежать до туалета.

– О господи, что это со мной? – простонала она.

– Ты кисленького чего-нибудь съешь, – посоветовала Клавдия. Она немного завидовала Вике, даже в такую минуту.

На низком журнальном столике стояла ваза с фруктами, коробка хороших конфет, блюдо с подсохшими бутербродами с красной икрой и с нарезанным лимоном.

– Присаживайся! – Вика налила из открытой бутылки сухого белого вина себе и Клавдии. – Знакомые заходили, вино принесли, а сами пить не стали, – она положила себе в бокал две дольки лимона, отпила и поморщилась. Есть не хотелось. Было противно даже смотреть на еду. – Ты ешь, не обращай на меня внимания!

– Спасибо, только я сначала тебя спрошу кое о чем, ладно?

Вика кивнула головой. Она с трудом сделала еще пару глотков вина.

– Давай. По работе что?

– Ага. – Клавдия с трудом отвела взгляд от бутербродов. – Я в папке между бумагами нашла вексель. Ты не по ошибке его туда положила?

– Не-а... не по ошибке. Так было задумано.

– Но...

– Понимаю. – Вика не дала ей договорить. – Я все объясню. Видишь ли, тебе я могу довериться. Ты столько лет вела мои дела, и все шло без сучка без задоринки! Кроме тебя, я никому не могу сказать о сделке. У фирмы есть долги. Ты знаешь это не хуже меня. А этот вексель связан с поставкой шведского оборудования.

– Что за оборудование?

– Линия по разливу пива в мелкую тару. Сумма, конечно, баснословная. И налоги хочется заплатить по минимуму. И еще есть разные моменты. – Виктория снова отпила вина, подавляя приступ тошноты.

– Вексель на предъявителя.

– Знаю. – Вика глубоко вдохнула и закрыла глаза. – Черт, как плохо! – Непонятно было, речь идет о векселе или о ее состоянии. – Ты понимаешь, в чем суть дела?

– Думаю, да.

– Наша фирма рассчитывается этим векселем за поставку шведской линии. Ты видела сумму?

Клавдия кивнула. Это и привело ее в ужас.

– Гарантом выступает «Омега-банк». Вексель должен попасть только к нему и никуда больше. Я не знаю, как оформляется индоссамент¹, чтобы не было осечки. Да и, откровенно говоря, просто боюсь! Масштаб сделки, величина платежа и условия, в которых все это производится, приводят меня в оцепенение. Насколько я понимаю, руководство фирмы пустилось в это предприятие неспроста. Речь идет об избежании банкротства любым путем. – Вика перевела дух. Такая длинная тирада ее утомила. – Вексель с тобой?

– Нет. Он у меня дома. Я просто вышла в булочную, а тут тебя встретила.

Клавдии не понравилось то, что подруга ничего не рассказала ей о векселе, но теперь она пришла в еще большее замешательство. Ее худшие опасения полностью оправдывались. Сделка была рискованной и не совсем легальной. Попасть в неприятности могли все – банк, шведские партнеры и в первую очередь «Инвест-сервис».

– Так что, ты сделаешь?

Первой мгновенной реакцией Клавдии было отказаться. Потом она неоднократно жалела, что не сделала так, как подсказывала ей интуиция. Но...

– Я тебе заплачу за это отдельно, – сказала Вика, увидев, что подруга колеблется. Вексель непременно нужно было оформить до завтра.

Клавдия вспомнила о нескольких рублях, оставшихся у нее в кошельке, и... согласилась. А что ей было делать?

– Ты молодец! – повеселела Вика. – Не знаю, на что бы пришлось решаться, если бы не ты. Давай выпьем за это!

Вика сделала большой глоток вина и откинулась на спинку дивана. Ее лицо сильно побледнело.

Клавдии хотелось есть, но было неловко взять бутерброд. Пить вино на голодный желудок она не рискнула. Она посмотрела на открытую коробку конфет, потом на подругу. Вика сидела с закрытыми глазами, бледная до синевы. Можно взять конфету, пока Вика не видит. Господи, до чего она дошла! Сгорая от стыда, Клава взяла из коробки две конфеты и поспешно засунула в рот.

– Ой, как меня тошнит... прямо сердце останавливается... – сдавленно простонала Вика и встала. Пошатываясь, она направилась в туалет.

Клавдии было жаль Вику, но, с другой стороны, она сможет в ее отсутствие спокойно съесть пару бутербродов. Подруге было так худо, что вряд ли она в ближайшие несколько часов заметит, что там осталось на тарелке.

Клава всегда стеснялась, когда ее угощали. У нее был комплекс: ей казалось, что ее хотят унижить, подчеркнуть ее бедность, то, что она многого не может себе позволить, что ей предлагают остатки «с барского стола». «Подачки» – вот как она это называла наедине с собой.

Она все же взяла бутерброд и жевала его, давась слезами, чувствуя себя чуть ли не нищенкой на благотворительном обеде. Откуда-то раздался приглушенный шум... Клавдия прислушалась. Может, Вика уронила что-то? Надо бы пойти посмотреть.

Поспешно дожевывая, она вышла в коридор. Дверь в ванную оказалась открыта. На пороге лежала Вика, на боку, неловко подвернув ногу. Ее полуоткрытые глаза закатились, из уголка рта вытекала слюна.

Клава осторожно подошла, наклонилась. Вика не дышала. Ее лицо посерело, черты лица неприятно заострились.

¹ Индоссамент – передаточная надпись на векселях, чеках и других ценных бумагах, которой оформляется передача прав по этим документам от одного лица другому.

Клавдия присела на корточки, пристально рассматривая лежащее тело. Она была словно в трансе, не понимая, явь это или сон. По спине побежали мурашки, переходящие в сильный озноб.

«Что это стучит? – подумала Клавдия, глядя на себя как бы со стороны, не сразу сообразив, что это стучат ее собственные зубы. Ее сильно трясло. – Вика мертва?! Не может быть! Бога ради, что происходит?»

Мелькнула мысль вызвать «Скорую помощь», но...

Она порылась в сумке, достала зеркальце и поднесла его к губам Вики. Поверхность осталась девственно чистой. Клавдия лихорадочно вспоминала, чему их учили на курсах медсестер, которые она закончила сразу после школы. На шее должна быть сонная артерия! Преодолевая отвращение и страх, она нашла артерию. Ничего... Тело было еще теплое, немного влажное на ощупь. Клавдию затошнило.

Внезапно в голову пришла сумасшедшая мысль: Вика отравили?! Она, конечно, чувствовала себя неважно, пока они добирались до дома, но после выпитого вина ее состояние резко ухудшилось. Кто-то принес эту бутылку с вином, но сам пить не стал. Что, если вино отравлено?! Клавдии стало дурно. Впервые она порадовалась, что была голодна и не рискнула выпить, боялась, что голова закружится. В конце концов, самые ужасные жизненные обстоятельства могут оказаться кстати! Ее спасла случайность...

Но теперь... как она объяснит, что здесь произошло? Никого, кроме нее, с Викторией не было! Как она докажет, что вино принес кто-то другой? Кто ей поверит? Денег на адвокатов и прочее у нее нет.

Клавдии стало так страшно, что волосы на голове зашевелились. Что же делать? Что же ей теперь делать?! О господи! Встав сегодня утром и подводя итоги своей жизни, она думала, что ничего более ужасного с ней уже произойти не может... Увы! Ее несчастья не кончились, они продолжают, приобретая все более изощренные и жуткие формы.

Она бросилась к своей сумке, на ходу опомнившись и перейдя на крадущийся шаг. Соседи потом могут сказать, что слышали, как в квартире кто-то ходил... Ее все сильнее охватывала паника. Суетливо роясь в сумке, она нашла носовой платок, стала вытирать дверные ручки, вешалку... К чему еще она могла притрагиваться?

Клава вернулась к столу, вытерла стакан. Аппетит пропал. Казалось, съеденные второпях бутерброды встали поперек горла. Она обессиленно села, тут же вскочила... Ее могут застать здесь – на месте преступления. Нужно немедленно уходить, но так, чтобы никто ее не увидел. Она на цыпочках, стараясь не смотреть, обошла тело Вики.

Носовой платок! Как она могла забыть?!

Клавдия вернулась к столу, схватила платок, засунула в карман брюк. Сердце колотилось, как сумасшедшее. Она поспешно оделась, подкралась к дверям и посмотрела в «глазок» на лестничную клетку. Никого не было. Путь открыт.

Зеркальце! Черт, она оставила зеркальце возле трупца!

Ругая себя последними словами, Клавдия подошла к телу Вики, подняла с пола зеркальце и положила в сумку. Ну вот, кажется, все!

Завернув руку в тот же носовой платок, она открыла замок и выскользнула из квартиры. Дверь захлопнулась с мягким стуком, который показался Клаве оглушительнее выстрела. В мгновение ока она слетела с лестницы. Никто не встретился ей по дороге, никто не обратил на нее внимания, когда она вышла из подъезда и чуть ли не бегом кинулась в проходной двор. Слава богу, кажется, все обошлось благополучно!

Она прошла мимо остановки троллейбуса, чтобы ее не могли тут случайно заметить. Хотя кто ее мог заметить? У нее и в своем-то районе почти не было знакомых, а здесь и подавно. Но у страха глаза велики.

Задыхаясь от быстрой ходьбы, Клава спустилась в метро, чуть ли не впервые в жизни радуясь сутолоке и неразберихе, толпе спешащих людей, которым не было до нее никакого дела. Уже стоя в полном вагоне, стиснутая со всех сторон пассажирами метро, женщина вздохнула свободнее. Давка ее тоже не раздражала.

«Как, оказывается, восприятие мира меняется в связи со сложившимися обстоятельствами!» – подумала она.

То, что постоянно бесило и возмущало ее, сегодня казалось благом. Даже ее невзрачный и непривлекательный вид был кстати. Ей хотелось стать еще незаметнее, раствориться в толпе, исчезнуть. И если появиться вновь, то в каком-нибудь ином качестве, в ином месте и времени.

Уже добравшись до дома и сидя на кухне за чаем, Клавдия не могла отделаться от пропитавшего ее насквозь страха. Вдруг в квартире Вики найдут ее отпечатки пальцев? Вдруг кто-нибудь видел, как они вместе входили? Вдруг...

Этих «вдруг» было такое количество, что у Клавы разболелась голова.

Если она не ошибается и Вику действительно убили, то... Что? Да что угодно! Например, вдруг ее убили из-за каких-то финансовых операций, о которых она могла рассказать кому-то? Кому, если не Клаве? Клава была в курсе всех операций фирмы «Инвест-сервис». А вдруг причиной всему – тот вексель?

Клаву затошнило от ужаса, когда она вспомнила, что куча Викиных бумаг, в том числе и злосчастный вексель, остались у нее. Что теперь со всем этим делать? Бумаги могут и наверняка будут искать, не говоря уже о векселе! Боже, во что она влипла! Как теперь выпутаться из этого кошмара?

Вряд ли Вика кому-нибудь говорила о том, что большую часть работы за нее делает подружка. Она была гордая и заботилась о своей профессиональной репутации. Значит, о Клаве никто не знает. Это хорошо. А вдруг кто-нибудь все-таки знает? И ее будут искать, чтобы убить, как Вику?

Главное, Клавдия никак не могла решить, что же делать с бумагами. Подбросить? Отослать по почте? Все казалось ей одинаково опасным. В голову приходили мысли, навеянные просмотренными детективами и книгами на ту же тему.

Клавдии захотелось спрятаться далеко-далеко, чтобы ее никто не смог найти. Она долго стояла под горячим душем, но покрытое нервными мурашками тело так и не согрелось. Забравшись под одеяло с головой, она с трудом уняла мелкую дрожь. Бесконечные «если» и «вдруг» не позволили ей уснуть до самого утра.

В промежутках между приступами страха Клава вспоминала тело Вики, которое осталось лежать там, в пустой квартире, на полу. Нужно сообщить кому-нибудь о том, что случилось. Может, позвонить в милицию? Нет, это она не заставит себя сделать. Тогда что?

Странно, но за все годы дружбы с Викой та ни словом не обмолвилась о своей семье. Есть ли у нее родители? Вообще – родственники? У Вики были любовники – это единственное, что Клава знала. Но кто они и как их отыскать, ей было неизвестно.

Впрочем, кто-то же из них должен обнаружить, что Вика... Да и фирма будет ее разыскивать. Особенно учитывая пропажу векселя.

Клава перевернулась на другой бок. Ее знобило. Оказывается, кроме Вики, у нее нет ни одной подруги. Теперь она сможет звонить только маме. И поболтать будет не с кем. Совсем. «О, боги! Как печальны ваши небеса!» Эта строчка из стихотворения, которое она написала в юности, все чаще приходила ей на ум.

Из глаз Клавдии выкатились две слезинки, прозрачные и соленые.

Глава 4

Некто все еще скучал. Правда, перемена места немного развлекла его, но ненадолго. Она была слишком незначительной, чтобы вызвать у него интерес. Одно изменилось, а другое осталось почти таким же. Скука...

Дни шли за днями, похожие один на другой. Только одна осень еще светилась прозрачными скверами, золотыми от солнца и последней листвы. Скоро придет октябрь с серыми, пропитанными дождевой влагой тучами, пронзительными северными ветрами и обильными косыми ливнями.

Почему люди так ленивы, глупы, бездеятельны? Почему они ничего не хотят? Почему они так много спят? Так много занимаются бессмысленными мелочами? Так много грустят? Так много ругаются? Почему?..

О, Жизнь, жемчужина в глубинном мраке непрозрачных вод, Тебя имея, отчего мы так ничтожны?..

Кафе «Охотник» открывалось после шести часов вечера и работало всю ночь.

Помещение было отделано в духе старинной рыцарской залы – каменные стены, местами обшитые мореным дубом, высокий сводчатый потолок, с которого свисали грубо выкованные светильники, большой закопченный открытый очаг, на котором прямо в углу зала жарили на вертеле оленину; деревянные столы и стулья. Интерьер украшали чучела животных и птиц, голова лося с большими рогами, старинное охотничье оружие, капканы и силки, которыми пользовались в Средние века, и прочие диковинки.

На одной из стен висел гобелен «Шервудский лес», а рядом – «лук Робин Гуда». Лук был совсем как настоящий и заслуженно привлекал внимание посетителей.

Завсегдатаи приходили около десяти, как раз когда начиналась развлекательная программа: исполнялись старинные охотничьи песни и баллады, читались уморительные рассказы о необыкновенных приключениях и потрясающих трофеях, проводились разные смешные викторины и конкурсы. В качестве приза можно было получить живого фазана, куропатку или огромную щуку, бьющую хвостом.

Меню тоже было необычное. Наряду с традиционным подбором блюд подавали перепелиные яйца, жаренную на углях дичь, рыбу, отличную уху из стерляди.

Кирилл пришел в кафе с Леонтиной. Рискнул-таки пригласить ее и не пожалел. Антон Муромцев уже ждал за столиком. Ему тоже нравилась Леонтина. У нее красивые волосы и фигура модели. Говорить с ней особенно не о чем, но это не имеет значения, когда у женщины такие ноги.

Антон злился. Как это Кириллу удастся? У него с женщинами всегда все получается. Вот и Леонтина согласилась пойти с ним. А ведь он ниже ее на полголовы. И ничего!

«Черт, не буду портить себе настроение!» – решил Антон, стараясь изобразить на лице улыбку.

Они заказали коньяк, заливной язык, фаршированную рыбку, салат из креветок и горячие отбивные. На десерт – торт, кофе и мороженое со свежими фруктами.

– Ну что, ты подумал? – спросил Кирилл, когда они уже порядком опьянели.

Антон отрицательно покачал головой.

– Как ты себе это представляешь? У нас нет стартового капитала, вообще ничего!

– Я все обдумал. В последнее время я только об этом и думал.

– Что-то я раньше не замечал у тебя такого рвения к самостоятельности. И шевелить мозгами ты не любил. Как ты говорил мне все время? Пускай кони думают, у них большие головы! Ты неплохо сумел мне это внушить, – сказал Антон.

– Все меняется, – ответил Кирилл.

– Ма-а-альчики, – недовольно произнесла Леонтина. Она разговаривала несколько нараспев и «в нос», считая это признаком аристократизма. – Мне ску-у-учно. Я танцева-а-ать хочу!

Антон вскочил, радуясь возможности прервать неприятный разговор, а заодно и потанцевать с красивой девушкой. Они с Леонтиной отлично смотрелись, оба высокие, стройные, эффектные.

Кирилл закурил, погружившись в размышления. Переехав в новую квартиру, он словно попал в новый мир. Думать он действительно не любил, тем удивительнее были появившиеся у него навязчивые мысли, которые не давали ему покоя.

Все началось внезапно. Задержавшись на фирме, он зашел к программистам, не слишком-то надеясь застать кого-нибудь. Вопреки ожиданиям ребята оказались на месте. Они праздновали день рождения Марата, самого молодого сотрудника. Все были уже под хмельком, и Марат рассказал, какую прибыль получил директор в результате последней сделки. У Кирилла мелькнула – действительно только мелькнула! – досада, что они тут пашут за гроши, а кто-то гребет немерено. Такие мысли у него долго не задерживались. Он терпеть не мог копаться в себе, был всегда всем доволен, весьма инертен, отличался легкомыслием и веселой беззаботностью.

Его страшно удивило, что, придя домой, он все еще досадует на то, что работает на директора, а не на себя. Всю ночь он крутился с боку на бок, пытаясь избавиться от этих мыслей. Уснуть удалось только к утру.

Бреясь в ванной, Кирилл поймал себя на том, что опять думает о том же. Теперь, когда он живет самостоятельно, в новой квартире, ему следует и работать самостоятельно: создать собственную фирму и зарабатывать деньги не дяде, а себе. С этой мыслью он ел, добирался на работу, исполнял свои привычные обязанности, возвращался домой, смотрел телевизор, принимал душ, разговаривал по телефону, спал, наконец. Это превратилось в кошмар, преследующий его днем и ночью. Он видел себя то в шикарном кабинете, хозяином которого является он, то в дорогом магазине, то в банке, снимающем со счета крупную сумму, то... Словом, видения сменяли одно другое с неожиданными настойчивостью и разнообразием.

Кирилл пытался отвлечься, но не тут-то было! Алкоголь немного помогал, но только в первые минуты. Потом те же мысли вспыхивали в голове с новой, удвоенной силой. Однажды он привел к себе домой молоденькую сотрудницу из соседнего отдела – и едва не потерпел фиаско в постели. Это не на шутку его испугало. И он решил, что отделаться от подобных мыслей можно только одним путем – воплотить их в жизнь. Он стал жертвой собственных идей. Ему просто не оставили выбора!

Как только он принял это непростое решение, в уме тут же созрел план, как все придуманное должно осуществиться. Кирилл так четко представлял себе все, как будто это уже произошло. Он ясно видел малейшие детали, тончайшие нюансы событий, которые должны были превратить его намерения в действительность. Никаких сомнений, что все произойдет именно так, как он планирует, у него ни разу не возникло. Сомнения одолевали Антона, его друга и коллегу, которого он видел своим компаньоном по бизнесу. Ну ничего, Антона он уговорит.

– Антоша, – доверительно прошептал Кирилл на ухо другу, который вернулся к столу без Леонтины. Девушка захотела привести себя в порядок и отлучилась. – Женщины любят дорогие подарки, хорошие рестораны, состоятельных мужчин. А? Что ты думаешь по этому поводу?

В кафе стоял сигаретный дым, пахло кофе, жареным мясом, женскими духами. Приглушенно играла музыка, сияли огни. Антон обдумывал слова друга, вспоминая гибкое, умопомрачительное тело Леонтины, разгоряченное танцем, ее томные полузакрытые глаза. Пожалуй, стоит рискнуть! Ради женщины. Из-за себя он не стал бы; его вполне устраивала зарплата, отсутствие ответственности, необходимости самому отвечать за все – и за успехи, и за про-

счета. Но Леонтина... Антон представил, как дарит ей бриллиантовые серьги в бархатном футляре, как они ярко, сказочно блестят в свете люстр, как радостно сияют ее серые глаза, и... согласился.

– Ладно, рассказывай, что ты там придумал! – сказал он.

– Первое, что нам нужно сделать, – отделиться и зарегистрировать собственную, абсолютно независимую фирму. Я уже и название ей придумал.

– Какое?

– «Антик» – АНТон И Кирилл. Твое имя доминирует!

– Звучит неплохо! – Антону польстило, что название новой фирмы будет начинаться именно с его имени, а не с инициалов Кирилла. Он был подозрителен и тщеславен.

– Итак. Мы регистрируем фирму, и...

– Постой, у нас ведь нет денег, я имею в виду, стартового капитала! Как же мы сможем проводить свои операции? Откуда мы возьмем средства?

– Как насчет банковского кредита? – прищурился Кирилл.

Антон пришел в ужас. У Кирилла крыша поехала?! Брать кредит в банке – все равно что резать себе горло. Проценты такие, что выплатить их нет ни единого шанса.

– Ты с ума сошел? Без залога банк кредит не даст, а что нам закладывать? Фирмы у нас еще нет. Помещение придется снимать, значит, оно в любом случае будет не нашим. Другая недвижимость? Кроме квартиры, у тебя еще что-то есть?

– О кредите я договорюсь, через отца или еще как-нибудь. Я уверен, что смогу. А насчет процентов не беспокойся. Мы вернем кредит в течение месяца! И прибыль снова пустим в оборот.

– За счет чего ты собираешься так быстро вернуть кредит? – спросил Антон.

– Договоримся с корейской фирмой о поставке компьютерного оборудования и комплектующих, а с оптовыми покупателями заключим соглашение заранее.

– Почему оптовики должны пойти к нам, а не воспользоваться старыми связями?

– А мы предложим им товар по более низкой цене! Чуть-чуть дешевле. Но если учесть общую сумму, то это получится для них весьма привлекательно. Сейчас рынок чем интересуется? Предложим микропроцессоры повышенной производительности, новейшие модификации сидиромов...

– Ты думаешь, это так просто? И банк, и оптовики, и корейцы... Попробуй с ними договориться! Ты никого не знаешь, тебя никто не знает! Рынок не знает такой фирмы – «Антик». С нами никто не захочет иметь дела. Ты представляешь себе, какой это риск? – спросил Антон.

– Без риска никогда ничего стоящего в жизни не получишь! – отрезал Кирилл.

Некто был доволен. Наконец-то мужик заговорил на своем языке! А то... смотреть противно: ни рыба ни мясо. На что драгоценные силы расходовал? На девок, водку и пустую болтовню! Тьфу! Стоит ли ради подобного вступать в игру? Разве ж это приз? Это все равно что прийти красиво одетым на детский утренник, прочитать стишок под елочкой и получить от воспитательницы конфетку. Ну, может, еще по головке погладят... И это – мужские игры? Что за времена настали?..

Антон выпучил глаза. Слова Кирилла поразили его до глубины души. Уж кто-кто, а Дубровин лишнего шага не сделал бы, если б в воздухе запахло риском! Он Кирилла знает не первый год. Тот даже на троллейбус не побежит, если есть хоть малейший риск не успеть. И тут вдруг...

– Мы даже не своими деньгами рисковать будем, а кредитом. Ты это хоть понимаешь? – спросил Антон.

Кирилл насмешливо посмотрел на друга, налил еще коньяка ему и себе:

– Я тебя не о том спрашиваю.

– А о чем? – не понял Муромцев.

– Согласен ты или мне другого партнера искать? – нахмурился Кирилл.

В зал вошла Леонтина. Антон увидел ее узкое капризное личико, чувственно покачивающиеся бедра, и... Черт, Дубровину в последнее время везет! Если Кирилл сможет наладить бизнес и пойдут доходы, то Леонтина в сторону Антона с его зарплатой и не посмотрит. Она любит все самое лучшее, а на те деньги, которые им платит их директор, особо не пощикуешь. Если бы не Леонтина, с ее волнистыми светлыми волосами...

– Согласен! – решительно ответил Антон. Без особой радости. Скорее с сознанием возникшей необходимости.

– Тогда выпьем за это?

Кирилл помог девушке сесть и налил ей тоже.

– За что пьем, ма-а-альчики? – она жеманно поднесла к губам бокал и повела глазами.

– Это пока страшная тайна! – отшутился Кирилл.

Они зарегистрировали свою фирму «Антик» без особых трудностей. Пока Кирилл ходил по инстанциям, Антон подыскивал подходящее помещение для офиса. Они решили оформить аренду с последующим выкупом. На удивление, все шло как по маслу.

Офис удалось снять в неплохом районе, весьма приличный и за небольшую плату.

Антон нашел это помещение, но не смог договориться с хозяином. Владельца офиса звали Наиль, он приобрел его совсем недавно и собирался открыть косметический салон. На все уговоры Антона он отвечал решительным отказом.

Кириллу помещение понравилось, и они решили не отступать.

– Как ты собираешься выкурить оттуда Наиль? Южане так просто не сдаются. У них круговая порука. – Антону ситуация не нравилась. Откровенно говоря, он трусил.

– Не знаю. Но офис должен быть нашим.

– И как? Каким образом?

Антон злился. Напор Кирилла ставил его в тупик. Черт его возьми, этого Дубровина! Распоряжается, как барин: «Офис должен быть нашим!» Интересно, как он себе это представляет? Сказать легче всего! Ты попробуй сделай!

В очередной раз явившись на переговоры к Наилью, Муромцев несказанно удивился. На двери висела табличка – «Сдается в аренду». Он не поверил своим глазам.

Заплаканная девушка открыла ему дверь. В помещении стоял запах краски: Наиль еще не закончил ремонт.

– Где хозяин? – поинтересовался Антон.

– Он в больнице.

– Заболел, что ли?

Антон почувствовал неладное, но виду не подал.

– Как вам сказать... – Девушка шмыгала носом и вздыхала. – К нам недавно налоговая нагрянула, штрафы там какие-то начислили огромные, но Наиль заплатил. А вчера... – она испуганно заморгала глазами, глядя на дверь, – пришли дружки его бывшие! Они какой-то долг требовали. Я в другой комнате была, мало что слышала, но... В общем, Наиль у них деньги одалживал. Договаривались, что он их через год отдаст. А они раньше времени потребовали. Он говорит – у меня сейчас нету! Отдам, как обещал. Ну, они ругаться стали на своем языке... громко так, зло. Вроде как у них самих неприятности, кто-то «наехал» на них, деньги нужны. Кричали, кричали, а потом драться начали. Я в шкаф спряталась и сидела тихо, как мышка. Только молилась, чтобы они Наилья не убили. У меня в Москве никого нет, кроме него! Я должна была тут, в салоне, работать уборщицей. Он мне и жить здесь разрешал, спать на раскладушке. Что мне теперь делать?

Девушка сильно побледнела. Антон испугался, что она сейчас упадет в обморок.

– Вы не волнуйтесь так! Может, воды?

Она отрицательно покачала головой.

– Так Наиль жив?

Она кивнула и снова заплакала:

– Жив. Только он теперь из больницы не скоро выйдет! Они к нему домой поехали, потом в банк. Все деньги отобрали, а его самого избили до полусмерти. Сильное сотрясение мозга, ребра поломаны, одна рука, легкие отбиты... И он все равно остался им еще должен. Теперь он и квартиру продает, и офисы...

Антон тут же позвонил Дубровину. Он был в ужасе. Как Кирилл мог такое себе позволить? Вроде бы раньше никаких связей в непростом мире бизнеса у него не было.

– Это твоя работа? – возмутился Антон.

– Ты о чем? – удивился Дубровин.

– О Наиле! Так действуют только бандиты!

– Что случилось? – Кирилл вроде бы ничего не понимал. – Говори толком!

Антон в двух словах все рассказал.

– Так ты что, полагаешь, это я? – поразился Кирилл. – Клянусь тебе, что не имею понятия об этом! Я не знаю Наиля и его дел, а тем более его друзей или кредиторов! Как ты мог такое подумать? Мы что, первый год знакомы?

Антон не знал, что и думать. Кирилл Дубровин был его школьным другом, потом они вместе поступили в университет, работали бок о бок. Действительно, подозревать его в подобном было неразумно. Неужели совпадение?

Так или иначе, происшествие с Наилем позволило фирме «Антик» арендовать помещение с последующим выкупом. Девушке разрешили остаться. Во-первых, уборщица все равно нужна, а во-вторых, она соглашалась работать за мизерную плату, с учетом того, что будет ночью спать в офисе на раскладушке, как и при Наиле.

Кирилл договаривался с банком о кредите. Без отца он этот вопрос, конечно, решить бы не смог. Профессор попросил своего аспиранта, тот своего брата, и фирма «Антик» получила кредит. Все равно, учитывая все обстоятельства, это было неслыханно. Антон до последнего не верил, что они получают деньги, и обдумывал всевозможные варианты: что можно продать, у кого можно одолжить...

Невероятно, но ничего этого не понадобилось. Однажды вечером в офис, в котором пока что ничего не было, кроме нескольких столов, телефона и компьютера, принесенного Антоном из дома, ввалился усталый и довольный Кирилл, плюхнулся на стул и сообщил, что банк дает кредит.

– Теперь можно приглашать корейцев! – заявил Дубровин, в очередной раз сразив Антона наповал своим нахальством и утопическими надеждами.

– Давай я за водкой сбегаяю! – предложил Антон. – Или нет, пошлем Зию.

Зией звали девушку-уборщицу, которая составляла весь их штат. Она принесла бутылку водки, колбасу, банку соленых огурцов и черный хлеб.

Выпив, Антон осмелел. Он не верил, что корейцы согласятся иметь с ними дело. Что это за фирма – «Антик»? Кто о ней слышал? За границей так не работают.

– Послушай, неужели ты всерьез думаешь, что представители корейской фирмы приедут сюда? – Он повел рукой вокруг себя. – Как только они увидят нашу мебель, сразу разбегутся! Кто ты такой? Что ты им скажешь? Здравствуйте, я Кирилл Дубровин, русский утопист, желаю приобрести партию вашего ультрасовременного оборудования! Так?

– Примерно так. А что?

– Ты действительно не понимаешь? – рассердился Антон.

– Что я должен понимать? Что я Никто и имя мое Никак? Ты это имеешь в виду?

– Вот именно.

– Это ты, брат, очень сильно ошибаешься! Я, Кирилл Дубровин, русский мужик, могу все, что угодно! Когда-то заграница трепетала перед русскими вельможами, перед роскошью русских императоров, перед тяжелой поступью русских полков. История развивается по спирали. Чего ради я должен чувствовать себя вторым сортом среди кого бы то ни было?! В любом случае только ты сам решаешь, что ты – *никто*. И тогда ты действительно становишься ничем. Другого пути уничтожить себя не существует!

Кирилл говорил и сам удивлялся: он это или не он? Откуда у него такие слова-то взялись? Такие мысли? Раньше при слове «корейцы» у него подгибались коленки. Что с ним происходит?

– По-моему, у тебя развилась мания величия! – заключил Антон, с беспокойством глядя на друга. – Или этот... как его... «имперский синдром». Может, тебе к врачу сходить? Психотерапевту? А? Все-таки дело с деньгами имеем. Желательно находиться в своем уме!

– Ты что, намекаешь...

– Ни на что я не намекаю. Я прямо говорю! Открытым текстом! Что тебе не мешало бы провериться.

– Некогда, – улыбнулся Кирилл. – Надо звонить корейцам, заключать договор, а не бегать по врачам.

Антон только развел руками. Водка не помогла ему расслабиться. Наверное, мало выпили. Посылать Зию второй раз было неудобно.

Самое интересное, что на следующее утро Дубровин позвонил, убедил, договорился и теперь не сомневался, что корейцы приедут.

– Ты пойми, – убеждал он Антона. – Им главное – продать товар! Какая разница кому! Если им платят, они продают. Они делают бизнес.

– Ладно, – сдался наконец Муромцев. – Допустим, они нам поставили оборудование. А потом что? Куда мы его денем? У нас нет инфраструктуры, связей, проверенных партнеров. Проценты растут, а товар лежит.

– Почему так мрачно? Найдем оптовиков. В конце концов, ты знаешь, кто этим занимался на той фирме, где мы с тобой работали. Есть еще фирма Арнольда Вячеславовича.

И Кирилл Дубровин в очередной раз удивил Антона, договорившись заранее с тремя крупными оптовыми покупателями. Арнольд Вячеславович тоже не отказался. Его привлекла более низкая цена. Достаточно денег у него в наличии не было, но он обещал что-нибудь придумать. Уж очень заманчивое предложение сделал ему Дубровин.

Антон не спал две ночи перед приездом корейцев. Он не выдержал и втайне от Кирилла навел справки. Оптовики никто не бил, они все оказались живы и здоровы. Арнольд Вячеславович тоже был невредим, прекрасно себя чувствовал и даже нанял новую молодую бухгалтершу вместо той «мымры», которая у него работала.

Что продолжало беспокоить Антона, он и сам не знал. Уж очень все гладко шло. Может быть, именно это внушало тревогу? Или изменившееся до неузнаваемости поведение Кирилла, старого безалаберного дружка, маменькиного сыночка? Ведь и работал Дубровин спустя рукава, как будто в карты играл, без лишнего напряжения. Свободно и красиво! Не сопел, не пыхтел, не потел, не выбивался из сил... Просто и изящно делал дело, как бы между прочим. Блефовал да рисковал – но без надрыва, спокойно и с достоинством.

Если бы еще полгода назад кто-то сказал Антону, что у Дубровина имеются такие качества, он бы ни за что не поверил. Он не узнавал Кирилла, и это его пугало.

Как бы там ни было, дела шли, и это было главное.

Сенсации следовали одна за другой. Причем почти без участия Кирилла Дубровина. Насколько бы это ни казалось невероятным, приехали представители корейской фирмы. Вели они себя невозмутимо, так, что по их лицам понять что-то было практически невозможно.

Кирилл опоздал. Антон чуть с ума не сошел, не зная, что делать, что говорить, куда себя деть. Он сгорал от стыда, думая, что теперь-то уж точно договор заключить не удастся.

Корейцы ждали, переговариваясь о чем-то между собой, поглядывали на часы. Наконец, когда Антон уже был близок к истерике, явился Кирилл – вальяжный, довольный собой и всем миром, начал чуть ли не обниматься с приехавшими, чем привел их в ужас. Даже их восточная невозмутимость дала слабину.

Через пару часов все было улажено. Корейцы остались довольны и пообещали, что самолет с оборудованием и комплектующими прилетит в ближайшее время: они очень пунктуальны в делах, очень надежны, они понимают, что значит время для бизнеса: это – деньги!

Оптовые покупатели тоже не подвели. Они сразу перечислили деньги на счет «Антика», как и обещали. Арнольд Вячеславович взял самую маленькую партию, денег у него не хватило, и он предложил покрыть недостающую сумму, рассчитавшись почти новой иномаркой, которая была у него на балансе.

Кирилл согласился, и все детали быстро уладили, к обоюдному удовольствию.

Антон был перевозбужден, глотал снотворное, потому что напрочь лишился сна и аппетита, похудел, побледнел – словом, приобрел вид загнанной лошади. Он метался то туда, то сюда, договаривался, подписывал, оформлял, выяснял, убеждал, просил, не замечая смены дня и ночи. Чего нельзя было сказать о Дубровине. Тот действовал как бы с ленцой, позволял себе подольше поспать, опоздать на деловую встречу, прийти чуть выпившим. Он расточал комплименты, улыбался секретаршам, очаровывал, дарил подарки и всегда получал то, что хотел.

В самые короткие сроки Кирилл и Антон получили свою прибыль, прилично обставили офис и вернули банку кредит. Это было невероятно, но это произошло.

На радостях они преподнесли Зие духи «Кристиан Диор» и устроили ночную пьянку втроем. Девушка могла продолжать жить в офисе и работать, но теперь за нормальную зарплату.

– Жадность делает людей бедными! – заявил Кирилл. – А я в таком качестве больше существовать не желаю!

Маргарита Георгиевна, в кимоно и с сигаретой, полулежа слушала арию мадам Баттерфляй, когда вошел Кирилл с огромной охапкой роз. Он высыпал их у ног матери и счастливо засмеялся.

– А где отец?

– Он, как всегда, рассматривает свою коллекцию! – Маргарита Георгиевна состроила недовольную гримаску. – Ах, Кирюша, какую я книжку видела в «Букинисте» про Саломею Крушельницкую! Ты себе представить не можешь!

Саломея Крушельницкая была кумиром Маргариты Георгиевны, ее идеалом и предметом истового поклонения. Она говорила Кириллу об этой книге каждый раз, когда он приходил. Книга была старая и довольно дорогая.

– Надеюсь, я тебе угодил!

Кирилл подал матери красиво упакованный предмет. Она немедленно развязала атласную ленточку и ахнула от восторга, увидев вожаделенную книгу.

– Кирюша! Ты самый обаятельный мужчина из всех, кого я знала! – Она подняла глаза к потолку. – Я не могла воспитать другого сына! Коленька, посмотри, что подарил мне сын! О, Саломея, как ты прекрасна! Коленька, дай твою лупу, я посмотрю год издания...

Глава 5

Второй день шел затяжной осенний дождь. За окном все было серым, мокрым и холодным.

Настроение Клавдии ничем не отличалось от «настроения» погоды. Деньги у нее кончились, продукты тоже. Осталась пачка макарон, немного риса и соль. Может, пойти на обед к маме? Отчим целый день на работе, так что... Нет! Мама начнет расспрашивать, выпытывать. Она всегда чувствует, какое у Клавды настроение, ее не обманешь притворными улыбками. А что говорить?

Клавдия представила себе, какие станут у мамы глаза, когда она ей скажет:

– Ты знаешь, ничего особенного! Просто я пошла к Вике – спросить у нее, как оформлять надпись на векселе. Мы пили вино, вернее, Вика выпила вина и – отравилась. Насмерть. Да, представь себе, испустила дух буквально у меня на глазах! Ну и мне ничего не оставалось, как постараться «замести следы»: то есть уничтожить отпечатки пальцев. Ты спрашиваешь, чьих? Моих, конечно! Чьих же еще? Кроме меня, там в этот момент никого больше не было. А потом я убежала. Причем постаралась сделать это как можно незаметнее. Не знаю, удалось ли мне это в полной мере. Опыта-то нету! Впрочем, не стоит особенно расстраиваться. Если так пойдет и дальше, то опыт появится, и богатый. Ты что, сомневаешься? Не стоит. Уж тебе-то должно быть известно, какую ты воспитала дочь: красивую, умную, а главное, везучую. Счастье так и прет! Просто не знаю уже, куда от него деваться. Хочу вот с другими людьми немного поделиться. Несправедливо же, что так много и все – мне одной! Так быть просто не должно. – Тут она лихо улыбнется и продолжит: – Ну, чем еще похвастаться? Теперь меня могут разыскивать, как подозреваемую в убийстве. Как это – кого? Вики, конечно! Какая ты, мама, непонятливая. Но это не все. Меня могут еще в придачу разыскивать как воровку. Как это – что я украла? Бумаги фирмы «Инвест-сервис», на которой Вика работала бухгалтером. Очень важные бумаги!

И это еще не все. Из-за чего, как ты думаешь, я могла убить Вику? Во-первых, из-за ревности. Могли мы с Викой не поделить любовника? Могли! Ты что, сомневаешься? Считаешь, что такого быть не может? Зря! На меня достаточно только посмотреть, и сразу все ясно – роковая женщина, мужики падают направо и налево! И сами в штабеля укладываются. Вот. Но это не единственный мотив для убийства. Далеко не единственный! Бумаги, как ты помнишь, и самое главное – вексель. Вексель на предьявителя.

Но и это еще не все. Зачем я все это сделала? Известно зачем – из корыстных побуждений. Потому что деньги у меня закончились, а с работы меня уволили. Как это за что? За неземную красоту и редкое обаяние! Вот за что нынче хороших специалистов увольняют. Чтобы сотрудники мужского пола не передрались между собой. Этого даже древние люди боялись. Троянская война ведь тоже из-за женщины началась. Из-за прекрасной Елены! Если учесть, что той Елене до меня далеко, то сама понимаешь, что у Арнольда Вячеславовича даже и выбора-то особого не было. Жестокая необходимость вынудила!

Помимо всего прочего, у меня порвались последние ботинки, а на улице осень. О том, что впереди зима, а у меня нет зимнего пальто, я уже не говорю. Я надеялась, что Вика будет мне регулярно платить хотя бы какие-то копейки за работу, но теперь и это невозможно. Потому что Вика...

– Стоп! – сказала сама себе Клавдия. – А может, ничего этого и не было? Может, мне просто сон страшный приснился? Но тогда бы Вика уже давно сама позвонила. Вексель! Это не шуточное дело. Его будут разыскивать. А может, кто-нибудь вызвал-таки «Скорую», врачи ее привели в чувство и она просто лежит в больнице? Может, она еще жива была? В конце концов, я не медик, могла ошибиться. Вдруг Вика живая была, а я ее бросила одну, без помощи?

Клава заплакала. Это положение, такое запутанное, страшное и безвыходное, приводило ее в ужас. «Что делать?» – спрашивала она себя и не находила ответа. Может, позвонить в «Инвест-сервис»? Должны же там хоть что-то знать? Своим телефоном пользоваться нельзя. Мало ли...

Клава схватила сумку, начала ее перетряхивать в надежде, что где-нибудь завалылась карточка для телефона-автомата. Ну вот, она действительно везучая! Одна карточка, к счастью, нашлась. Значит, надо звонить. Она поспешно оделась и побежала к метро. Спустившись вниз, подошла к таксофону, долго оглядывалась. Вдруг кто-нибудь подслушает? Дрожащими руками набрала номер...

– «Инвест-сервис», – произнес глуховатый женский голос.

– Мне Викторию Мураткину... – Клавдия помолчала.

На том конце тоже молчали.

– Она на месте? – не выдержала Клава.

– А кто ее спрашивает?

Клавдия в панике бросила трубку. Все! Единственную карточку она израсходовала, так ничего и не выяснив. Только теперь она почувствовала, что промочила ноги. Нужно идти домой. Не хватало еще заболеть! Из лекарств у нее остался только аспирин.

Придя домой, она сняла ботинки, вымыла их и поставила сушиться на батарею. Может, чаю попить? Хорошо, что у нее на нервной почве аппетит пропал. По крайней мере, есть ей пока не хочется. Клавдия вновь подумала о маме. Мама знает о ее отношениях с Викой. Не все, конечно, но... Хотя – кто будет спрашивать маму об этом? А вдруг? Опять эти «вдруг»! Так можно сойти с ума! Все предусмотреть невозможно. Самые тщательно продуманные преступления и то раскрывают. По крайней мере в кино именно так происходит.

«Но я ведь не преступница!» – подумала Клава. «Кто тебе поверит?» – ответила она сама себе.

Клавдия хотела избавиться от бумаг и векселя и в то же время боялась это сделать. Сказывалось выработанное годами уважение к документам. Рука не поднималась. Ну, и страх, конечно. Как бы хуже не было! Все равно, даже если и хранить бумаги, то только не в квартире. А где? Ничего толкового в голову не приходило. Дачи у них с мамой не было, сарая или гаража – тоже.

Выпутаться из всей этой истории возможно, если узнать, кто на самом деле убил Вика. И почему? Только тогда Клавдия сможет спать спокойно. Но как это сделать? Детективы Клавдия не любила, не то что в жизни превращаться в Шерлока Холмса. Она любила романы о любви! Там героини часто попадали в очень тяжелые и запутанные ситуации, которые казались им безвыходными, как сейчас кажется Клаве. И ничего! В самый напряженный и отчаянный момент проблема неожиданно и чудесно разрешалась. Появлялся неотразимый и смелый красавец-мужчина и одним махом разрубал все запутанные жизнью узлы.

Но Клаве на это надеяться не приходилось. Она была реалисткой. Ее шансы привлечь нормального мужчину равнялись нулю. Это мог бы быть только или горький пьяница, которого, потеряв терпение, выгнала очередная жена, или уставший от неприкаянной жизни, грязи и голодовки бомж. Ни то, ни другое Клаву не устраивало.

Она вздохнула, плотно задернула шторы и полезла на антресоли за бумагами. Что она рассчитывала в них найти? Тайну смерти Вики? Или что-то еще? Стараясь не торопиться и быть предельно внимательной, она просматривала листок за листком и откладывала в сторону. Ничего не вызывало подозрений, ничего не обнаруживалось такого, из-за чего можно убить человека. Даже явных ошибок или случайных оплошностей не было. Не было и никаких нарушений. Вексель – это дело особое. Она сделала индоссамент, как говорила Вика, чтобы вексель попал только и исключительно в «Омега-банк». Потому что привыкла доводить все до конца, при любых обстоятельствах.

Итак, очередной просмотр бумаг ничего не дал. Ничего! Клавдия задумалась. Если бы здесь был знаменитый сыщик с Бейкер-стрит, он бы только глянул – и сказал: «Это элементарно, Ватсон!» Увы! Клавдия не успела освоить дедуктивный метод лондонской знаменитости и теперь зашла в тупик. Решительно ничего странного или необычного в бумагах не было. Шерлок Холмс не пренебрегал ни одной мелочью, какой бы незначительной она ни казалась. Клавдия решила, что учиться нужно у самых выдающихся, и поступила так же. Осмотрела самым тщательным образом еще и папку.

К сожалению, с тем же успехом. Папка была самой обычной, из тонкого белого картона, с завязками. Никаких потайных карманчиков, двойного дна – ничего подобного. Сзади, правда, простым карандашом нацарапаны несколько цифр, видно, что впопыхах. Что это за цифры и кто их написал, тем более зачем, узнать не представлялось возможным. Кто угодно мог это сделать, необязательно Вика. И означать они могли что угодно. Номером счета они быть не могли – слишком коротко. Номером телефона – тоже сомнительно.

Цифры могли не иметь к делу никакого отношения, и, скорее всего, так оно и было. Но Клавдия привыкла к аккуратности – она переписала их в свой блокнот на всякий случай. Чтобы были под рукой. Вдруг она зайдет на телефонную станцию, спросит – может ли это быть номером телефона? Или еще чем-нибудь...

Она вздохнула, встала на стул и засунула папку с бумагами и векселем подальше, накрыв ее сверху книгами по бухгалтеру, журналами, старыми вещами, которые носить уже было нельзя, а выбросить жалко.

Весь вечер Клавдия продолжала думать о том, как ей жить дальше. Ничего не придумала. У метро она оборвала несколько объявлений, положив их в карман плаща. Делать все равно нечего. Она достала кусочки бумаги с номерами телефонов и принялась методично звонить. Из пяти номеров ответили только по одному. На вопрос Клавдии, какую работу предлагают, сообщили, что она может стать распространителем печатной продукции. То есть продавать газеты. Клава узнала, куда надо приходить, и сказала, что подумает до завтра. Хотя думать было не о чем. Она просто завтра встанет и пойдет по названному адресу.

Ей не спалось. За окном уныло шумел дождь, капли стучали по подоконнику. Клава встала и закрыла форточку. Стало тише. Она долго читала, погрузившись в события чужой, незнакомой ей жизни, где красивые женщины и отважные мужчины любили и ненавидели, путешествовали, расставались, переживали потери, обретали долгожданное счастье. Почему она, Клавдия, не заслуживает ничего подобного? Она выключила свет и принялась размышлять. Постепенно ее сморил сон. Громкий стук в дверь заставил ее испуганно вскочить. Она села, настороженно прислушиваясь. Может, показалось?

Стук повторился, еще более настойчивый. Клава задохнулась от ужаса. Первой мыслью было позвонить в милицию. Допустим... Но что она скажет? Что ей в дверь стучат? Это просто смешно! Нужно хотя бы узнать, кто это.

Она встала, чтобы зажечь свет. Света не было. Черт! Пришлось идти на кухню за свечкой. Клавдия еле нашла свечу, зажгла ее дрожащей рукой. На цыпочках подошла к двери.

– Кто там?

– Откройте!

За дверями, похоже, стояли мужчина и женщина. По крайней мере, судя по голосам, это было так.

– Кто вы? – спросила Клава.

– Я врач, – ответил женский голос. – Кто-то из вашего подъезда вызвал «Скорую помощь».

– Я не вызывала! Вы что, не знаете адреса, по которому приехали?

– Конечно, знаем. Но здесь темно. Света нет. Мы не можем найти нужную квартиру.

– У вас что, нет фонарика?

– Нет. И спичек тоже. Вы не могли бы дать нам коробок спичек?

Клавдия прислонилась к стене. От страха у нее подгибались коленки. А что, если ее обманывают, специально, чтобы она открыла, и тогда... ее убьют, как Вику? Но Вику никто не убивал, она сама выпила отравленного вина. Клавдия колебалась.

– Какая квартира вам нужна?

– Сто сорок вторая.

– Ладно.

Клавдия знала, что в этой квартире живет одинокая женщина, очень больная. К ней действительно часто приезжала «Скорая». Пожалуй, нужно открыть. Вдруг человеку плохо и из-за Клавы еще кто-то умрет? Ее и так мучила совесть из-за Вики, она же бросила подругу там, в квартире, одну. Правда, она была мертвая... Но кто знает?

Клава открыла, протянула женщине в белом халате коробок со спичками. Господи, это действительно врач! Вот до чего доводит страх. Так можно собственной тени испугаться.

Она заперлась на все замки, потушила свечу и улеглась в постель. Заснуть больше не удалось. Клава ворочалась с боку на бок, считала от одного до ста и наоборот, представляла себе спокойную воду, по которой она куда-то плывет, – ничего не помогало. Ей становилось то жарко, то холодно, и она еле дождалась утра.

Утром ее встретили все тот же дождь за окном, все то же низкое серое небо.

Ботинки успели высохнуть, и она начала собираться. С сегодняшнего дня она станет продавать прессу. Никто не подумает, что бумаги и вексель находятся у какого-то продавца газет!

Клавдия включила горячую воду и встала под душ. В ванной висело большое зеркало, которое ей оставила мама. В нем можно было рассмотреть всю себя. Клавдия ненавидела это зеркало, глядя на свою полубесформенную фигуру, на складки жира, далеко не плоский живот, полные бедра. Лучше не смотреть на это! Она поспешно вытерлась, оделась, сделала «хвост», взяла зонтик и с окончательно испорченным настроением отправилась к метро.

Дождь падал косыми струями, и город выглядел размытым за его пеленой. Деревья уже обнажились, под ногами было полно мокрой листвы. Пахло мокрым асфальтом, сыростью и еще чем-то неуловимо осенним. Безднадежностью, что ли, тщетностью стремлений...

Итак, она стала продавцом газет. По названному адресу ее приняли, выслушали, объяснили, в чем состоят ее обязанности и сколько она сможет заработать. Посоветовали воспользоваться опытом многих распространителей, то есть продавать газеты в электричках и поездах метрополитена, чтобы дело шло быстрее. Если она продаст все, что взяла, – прекрасно. Если нет, остаток нужно принести и сдать обратно.

Оказалось, что деньги можно будет получать сразу же, в конце рабочего дня. Или в конце месяца. Как ей больше подходит.

Ждать целый месяц Клавдия не могла, поэтому первый вариант был как нельзя кстати. Она решила, что приступит к работе с завтрашнего утра.

Ходить по электричкам и метро было очень утомительно. Сумка с газетами оттягивала плечо и уже через пару часов становилась такой тяжелой, словно ее наполнили булыжниками. Ноги постоянно промокали, и Клавдия ходила с насморком, охрипшая, сильно кашляла. Через неделю она пришла к выводу, что лучше будет зарабатывать меньше, но она найдет себе место где-нибудь в подземном переходе, чтобы было не так мокро и холодно.

Свежие газеты разбирали неплохо, хотя Клавдия не умела громко зазывать покупателей, как другие. Честно говоря, ей было неловко, что она, интеллигентная женщина, с высшим образованием, хороший специалист, вынуждена стоять в подземке и продавать газеты. Слава богу, что у нее очень мало знакомых, а то пришлось бы постоянно сгорать от стыда.

Она выбрала район подальше от дома и от бывшей работы. С одной стороны, все складывалось не так уж и плохо, если учесть обстоятельства. Зарабатывала Клава немного, но на

еду хватало, и, откладывая ежедневно небольшую сумму, она надеялась, что в итоге сможет купить себе новые ботинки.

Целый день мимо нее проходили тысячи людей: женщины, мужчины, дети, старики, москвичи и приезжие, русские, кавказцы, азиаты, негры, иностранцы – бесконечная череда лиц, тел, глаз, голосов. Она убедилась, что таких, как она, не так уж мало. Но достаточно много и вполне обеспеченных людей, прилично одетых, уверенных в себе, веселых. Изредка по непонятной причине в подземку спускались так называемые «новые русские», в шикарных длинных пальто нараспашку и в развевающихся шарфах, благоухающие французскими одеколонами. Они на ходу разговаривали по телефонам, перебрасываясь между собой одним им понятными фразами, курили дорогие сигареты и никогда не брали у Клавдии сдачу. Они принимали ее за нищую, считая ниже своего достоинства посмотреть в ее сторону еще раз.

Рядом с Клавдией облюбовали себе местечко попрошайки, которых она невольно сторонилась и потом мучилась угрызениями совести. Почему-то этот сорт людей был ей неприятен. Она не могла пересилить себя, испытывая к ним непреодолимое отвращение и брезгливое презрение. Это было самое дно жизни, которое наводило на нее ужас. Она боялась самой себе признаться в том, что боится подобной участи, тем самым как бы предполагая возможность для себя такого будущего.

Клавдия очень уставала. Она вставала утром, пила чай и ехала за газетами. Потом целый день проводила на ногах, голодная, в душливом пространстве подземки, среди бесконечного потока людей, звона мелочи, крика попрошайек, ругани и разборок других продавцов, в шуме и гаме, мелькании рук, мятых рублей. В переходе продавали все, что угодно, – сигареты, цветы, пирожки, очки, носки, косметику, зонтики, сумки, сушеные грибы и много чего еще. Бомжи собирали бутылки, устраивая между собой драки; под ногами путались маленькие чумазные цыганята, дергали за одежду, заглядывали в глаза и назойливо скулили.

Возвращаясь домой по ночному городу, Клавдия уже не имела сил даже обходить лужи, поэтому каждый день ноги были мокрые, кашель все усиливался, а настроение падало. Дома она ужинала тем, что успевала купить по дороге, и замертво сваливалась в постель. Как ни странно, сон длился только часов до трех, а потом она просыпалась и больше уснуть не могла.

Лежа без сна, с открытыми глазами, слушая шум ветра за окном, она начинала думать, что с ней будет дальше. Будущее рисовалось таким кошмарным, что Клава накрывала голову подушкой, стараясь спрятаться от него, а заодно – и от своих мыслей о нем. Она ни с кем не общалась и была даже рада этому. Ей хотелось стать маленькой и незаметной, перестать испытывать эту боль несбывшихся надежд и разочарований, вспоминать все то, чего жизнь почему-то ее лишила и что у нее теперь никогда уже не могло сбыться.

В такие ночи она чувствовала себя глубоко несчастной, несправедливо и незаслуженно униженной. Кем и за что? Она устала задавать себе эти вопросы. Стоя с газетами в подземном переходе, она думала: как хорошо, что у нее нет друзей, которые могли бы увидеть ее в таком ужасном, уничижительном состоянии. Хорошо, что у нее нет мужчины, который сразу же разлюбил бы ее, узнав, до чего она дошла. Мужа тоже, к счастью, нет. Почему к счастью? Да потому, что если бы он у нее был, то уже давно бы бросил такую незадачливую супругу. А так – нет его, и переживать не о чем! Как поется в песне из популярного кинофильма: «Если у вас нету тети, то вам ее не потерять!»

Клавдии нравился фильм «Ирония судьбы», она могла смотреть его бесчисленное количество раз, и это ей не надоедало. Она мечтала, что когда-нибудь и в ее жизни произойдет невероятное приключение, сказочная история любви. В последние годы эти мечты приобрели характер несбыточных. Но все равно мечты есть мечты! В них нет границ, и возможности открываются одна за другой, как двери заколдованного дворца. И за каждой – что-то упоительно прекрасное, неизведанное, уготованное таинственными силами только для нее, и ни для кого больше.

Годы шли, а в ее жизни ничего существенно не менялось. Постепенно Клавдия пришла к выводу, что в книжках пишут о том, чего никогда не происходит в реальности. И фильмы снимают об этом же – о несуществующем. Где-то есть красота, отвага, преданность и любовь... Это как мифическая страна Эльдорадо. Многие о ней слышали, но никто в ней не бывал. Многие отправлялись на ее поиски, но возвращались ни с чем. Она снилась людям, лишала их покоя, бередила душу – но никогда, никогда не доплывали до нее корабли, не долетали самолеты, не доезжали поезда. Страна-мираж, страна-греза, страна-призрак... Призрак счастья.

Есть люди, которым почему-то везет. Есть и такие, которым ничего не дается в руки. Клава относилась себя ко второй категории. Во всяком случае, жизнь с завидным упорством убеждала ее в этом.

Клавдия жила «на автомате» – продавала газеты, ела, спала, вновь продавала газеты. От постоянной ходьбы с тяжелой сумкой, стояния в переходе, нервного напряжения, в котором она находилась, недоедания и плохого сна она похудела. Но даже это не радовало. В ее сердце поселился страх. Хотя никто ее не разыскивал, никто не интересовался ею. Телефон молчал. Маме она звонила сама, говорила, что много работы, очень устает, прийти не может: некогда.

Клава старалась поменьше бывать дома. Она работала даже по выходным, возвращалась поздно, оглядываясь по сторонам и трясаясь от страха. Однажды за ней увязался подозрительный прохожий. Он вышел из троллейбуса на той же остановке и шел за Клавой по пятам, не отставая. Она почти бежала, когда увидела, что прохожий заходит в ее подъезд. Сердце едва не выскочило из груди, захотелось кричать, звать на помощь. Сдержал стыд: она не могла себе позволить завопить на всю лестницу. К счастью, она успела добежать до своей квартиры, лихорадочно роаясь в сумке в поисках ключей. Уже открывая дверь, Клава заметила, что мужчина позвонил в соседнюю дверь. Это оказался сосед, которого от страха она приняла за злоумышленника.

Придя в себя, она начала истерически смеяться. Она смеялась и смеялась, пока смех не перешел в плач. Слезы катились по ее щекам, обильные, как осенний ливень. Постепенно и слезы иссякли, перейдя в безнадежную, тяжелую тоску. Ей некому было пожаловаться, не на кого было надеяться, не от кого было ждать помощи. Она могла рассчитывать только на саму себя.

Утром она встала с опухшими от ночных слез глазами, оделась и поехала работать. Обычный день, обычный осенний дождь, обычная толпа, текущая мимо нее... Недалеко от Клавдии остановились двое хорошо одетых мужчин, обсуждая что-то для них важное. Один несколько раз взглянул в сторону Клавы. Ее это насторожило. Лицо мужчины показалось смутно знакомым. Хотя здесь мелькало столько лиц, что... Нет, где-то она таки его видела! Память у нее не только на цифры, но и на лица была прекрасная.

Может, это кто-то из клиентов Арнольда? Или знакомый Вики? Некоторых из них Клавдия видела, но специально не присматривалась. А вдруг это следят за ней? Те, кто убили Вику?! Или милиция?

Она вспомнила соседа, от которого бежала как сумасшедшая, и ей стало неловко. С тех пор он подозрительно на нее посматривал. Наверное, решил, что она свихнулась. А врачи «Скорой помощи», которых она приняла за убийц и бандитов? Так и в самом деле можно сойти с ума! У нее слишком богатое воображение, и нервы совсем никуда не годятся.

Мужчины подошли, и у Клавы душа ушла в пятки. Они были прекрасно одеты, причесаны, ухожены, в безукоризненных рубашках и галстуках, в дорогих кожаных туфлях. Тот, что пониже, скользнул по ней равнодушным взглядом. Он ее просто не видел. Щелкнув позолоченной зажигалкой, он неторопливо закурил и лениво произнес:

– Антон, быстрее. Девушка ждет.

«Счастливая девушка! – подумала Клава. – Наверное, красавица. Модно одетая, длинноногая. Не то что я! На меня такой мужчина и не взглянет!»

Мужчина ей понравился. Не Антон, а тот, другой, который курил. Невысокий, крепкий, с приятным лицом и манерами барина.

– Вы что, спите? – Антон протягивал ей деньги. – Нам парочку газет.

Они всего-навсего купили у нее газеты! А она уже черт знает что подумала!

Мужчины пошли к входу в метро, переговариваясь, небрежно размахивая руками – свободные, красивые, уверенные в себе люди. Жители другого мира. Не того, в котором существовала Клава.

Она долго смотрела им вслед, не слыша обращенных к ней просьб, не видя протянутых денег. Уходила ее мечта, которой не суждено было сбыться. Что-то отделяло ее от этих людей – стена, которую не преодолеть, пропасть, которую не перейти. Хотя на самом деле ничего такого не было. Это была возведенная ею самой преграда между ними и собой, но Клава об этом не знала. Она ничего еще не знала. Она даже не могла слышать, как тот, кого называли Антоном, говорил своему другу:

– Ты ее узнал?

– Кого?

– Ну, тетку, которая газеты продает?

– Какую тетку? – не понял Кирилл.

– Да газеты же она продает! Я тебе на нее показывал!

– Послушай, с какой стати? Откуда я могу ее знать? Я ее даже не рассмотрел как следует!

Растрепанная какая-то...

– Это Арнольдова «мымра»! – сказал Антон.

– Ты или говори толком, или...

Антон потерял терпение.

– Да не кипятись ты, я дело говорю! Эта «мымра» работала бухгалтером у Арнольда. Вид у нее, конечно, жуткий, но баба она умная. Кремень-баба. Пока она у Арнольда работала, дела шли как надо, комар носа не подточит.

– А почему же она газеты продает? – спросил Кирилл.

– Так он, дурак, ее уволил! – фыркнул Антон.

– За что?

– Не за что, а почему! Потому что ему приспичило вместо нее иметь под боком молодую, горячую телку. А то, что новая девица в бухучете ничего не смыслит, он не подумал. У него о другом мысли. Седина в голову – бес в ребро!

– Взял бы себе секретаршу! Зачем хорошего бухгалтера увольнять? – спросил Кирилл.

– Это долгая история. Арнольд – патологический скупердяй! Плачет над каждой копеечкой. Может, так и надо, но до известных пределов. Секретарши у него никогда не было – он на зарплате экономит, платит людям гроши. А тут – и бухгалтерша, и любовница в одном лице. Экономия соблюдена, и потребности удовлетворены! Основной инстинкт!

– Ну?

– Что – «ну»?

– Зачем ты мне говоришь все это? Не просто же так?

– Конечно, не просто... Эта его новая мадам Нелли, которая «вроде как бухгалтер», ничего в делах не смыслит! Так что Арнольда теперь можно брать голыми руками! Ты понял? – победно заявил Антон.

Глава 6

Некто просто диву давался, до чего люди неповоротливы, до чего они тускло мыслят! Никакой изюминки, искорки, из которой может костер разгореться или вселенский пожар... это уж кто во что горазд. Сколько сил не использовано, сколько возможностей упущено, сколько не востребовано способностей! Как не скорбеть о таком падении нравов?! Где былая жажда острых ощущений?..

Ферапонт Ильич был стар. Он поседел, сгорбился и высох, но только внешне. Внутренне он по-прежнему был юным, как почти семьдесят лет назад. Внутреннее ощущение горения никогда не покидало его. Он не мог понять лениво зевающих мужиков, не знающих, куда себя деть, или слоняющихся по деревне подростков, изнывающих от безделья.

– От безделья все зло на земле! – любил повторять Ферапонт Ильич.

Сам он с детства слыл непоседой, ни минуты не мог провести спокойно – все заботился о чем-то, волновался, спорил, что-то доказывал, беспокоился и бегал по инстанциям. В сельсовете его уже знали. При появлении Ферапонта Ильича должностные лица дружно закатывали глаза и воздевали руки к небу. Отделаться от старика было не так-то просто. Это была задача для титанов.

Ферапонт Ильич приехал в Москву не прохладиться. Он уже третий год пытался донести хоть до кого-нибудь, какая ценность, какой Клондайк находится в подмосковной деревне Бобровка. Но никто не желал его слушать. В Минздрав его не пустили: то есть в здание он, конечно, вошел, но и только. Ответственное лицо принять Ферапонта Ильича отказалось. Отказались с ним беседовать и в нескольких редакциях столичных газет, и в приемной известного депутата, и в прочих не менее известных местах.

Старик и не думал сдаваться. Он просто немного утомился. Было холодно. В Москве осень дула пронизывающим ветром и моросила дождем так же, как в деревне. Ферапонт Ильич замерз и проголодался. Необходимо было восстановить силы для очередной атаки. Сколько ему предстояло таких атак, он не знал. Значит, торопиться не следует. Москва велика, и народу в ней хватает. Найдется же хоть один, способный выслушать, вникнуть в проблему и решить ее?!

– Где тут перекусить можно? – спросил он пожилую женщину, прогуливающуюся под зонтом.

Пенсионерка указала вперед, махнув рукой:

– Вон там, через пару домов, «Пельменная», весьма приличная. Там и покушать можно, и обогреться.

Ферапонт Ильич торопился. Он промок, а зонта у него не было. Очень хотелось есть, да и от водки он бы не отказался. Водка с перцем – первейшее лекарство от простуды.

Старик был в кирзовых сапогах. Он не привык ходить по асфальту: слишком гладко, да еще лужи. То ли не рассчитал, то ли нога подвернулась... Ферапонт Ильич в жизни не падал. Даже зимой, на льду. А тут... Он увидел себя посреди лужи, попытался встать – и не смог. Голова закружилась.

– Что с вами?

На него смотрела молодая смуглая девушка. В руках она несла пакет с продуктами и зонтик. Девушка присела на корточки, пытаясь определить, пьян старик или ему действительно нехорошо.

– Я... – Ферапонт Ильич оглянулся, не в состоянии сообразить, что случилось. – Кажется, я упал.

Он попробовал встать и со стоном опустился обратно в лужу.

– Давайте, я вам помогу!

- Да нет, милая девушка, ничего не получится. Я ногу вывихнул. А может, даже сломал.
- Подождите секундочку, я сейчас!

Девушка впорхнула в какую-то дверь и исчезла. Через минуту она появилась с молодым человеком.

- Вот! – она показала на Ферапонта Ильича.

– Попробуйте встать, – сказал мужчина, помогая старику подняться. Девушка придерживала дверь, над которой Ферапонт Ильич успел прочесть надпись: «Антик», прежде чем у него от боли потемнело в глазах.

Приехавшая «Скорая» ничего серьезного не обнаружила. Старику обработали ушиб, сделали обезболивающий укол и рекомендовали полный покой хотя бы в течение дня.

Ферапонт Ильич попросил водки и еды. Антон послал Зию в «Пельменную», а запас спиртного у них в офисе всегда имелся, и вполне приличный.

Старик выпил, закусил и... начал рассказывать про свой Клондайк. Он просто не мог говорить ни о чем другом. В деревне Бобровка имелся природный родник с минеральной водой, которая обладала поистине необычными, чудесными свойствами. Ферапонт Ильич сам пил эту воду и в свои годы не имел понятия, где находится сердце, а где – желудок или печень. Многие приезжали за водой из самых разных мест. Вода излечивала многие болезни, успокаивала нервы, заживляла раны.

– У меня бычок заболел! – убеждал Антона Ферапонт Ильич. – Ветеринар сказал, что ничего уже не поможет, очень слабенький бычок. А я ему водичку стал давать из источника. Жалко было скотину! Он пил, пил и так потихоньку выздоровел.

Кирилл Дубровин, как всегда, опоздал. Он спал чуть ли не до полудня и только потом являлся в офис. Познакомившись со стариком, Кирилл долго с ним беседовал, расспрашивал обо всех подробностях, потом вызвал по телефону машину и заявил, что едет в Бобровку.

- Отвезу дедушку, а заодно погляжу, что там за «живая вода» такая.

Антон только рукой махнул. Отговаривать Кирилла, если он что-то решил, было делом пустым и неблагодарным. Пусть съездит, проветрится, может, мозги на место встанут. Поведение Кирилла все сильнее раздражало его. Полюбуйтесь, какой мы барин! Спали до обеда, пришли, со старичком побеседовали, этак небрежно ручками махнули, и теперь в деревню Бобровка едем! Прямо «князь Серебряный»! Куда только делся тот Кирюха, безалаберный и веселый парень, который слушал Антона раскрыв рот и со всем соглашался?! Который без Антона шагу ступить не смел? Особенно в делах.

А теперь что? Картина совершенно другая. Слушать советы Кирилл не хочет, он в них, видите ли, не нуждается! Везде и всюду опаздывает! К делам относится несерьезно. Безалаберность его усилилась чуть ли не вдвое, а ответственность ровно на столько же убавилась. Самое обидное, что Кирилл Дубровин, невзирая на все это, добивался, чего хотел, все у него получалось, все шло без сучка без задоринки! Этого Антон приятелю уже простить не мог. Сам он носился с утра до ночи, взмыленный, делал сотни дел, выполнял бесчисленные поручения, подписывал бумаги, вел переговоры, «пахал», как сумасшедший, а толку было немного. Возникали трудности, заторы, что-то тормозилось, что-то не ладилось... Являлся Кирилл, и – все узлы развязывались как бы сами собой. Все вставало на свои места, все разрешалось наилучшим образом.

Даже в отношениях с Леонтиной все обстояло точно так же! Антон звонил ей, когда возникала такая возможность, провожал до дома, дарил цветы, развлекал умными разговорами. Потом вдруг являлся Кирилл, который и думать забыл о девушке, приглашал ее куда-нибудь, и она летела, не чуя под собой ног от счастья! А об Антоне забывала.

Нет, она, в общем-то, неплохо относилась к Муромцеву, но от Кирилла она просто «шалела». Так, во всяком случае, говорила его мама, Маргарита Георгиевна. Ей Леонтина не

нравилась. Зия тоже смотрела на Кирилла горящими глазами. А на Антона – совсем по-другому. Он не мог этого объяснить: он это чувствовал.

Итак, Кирилл съездил в Бобровку, посмотрел родник, попробовал воду, поговорил с жителями деревни и принял решение: начать производство минеральной воды «Антик». С местным главой администрации он все уладил. Оставалось только получить «добро» Минздрава, наладить производство и продажу. Дубровин был уверен, что это ему вполне по силам.

Ферапонт Ильич был в восторге. Наконец-то его мечта осуществится: Бобровский минеральный источник станет приносить людям пользу! Старик был счастлив, как бывают счастливы люди, заботящиеся не о себе, а о «всем человечестве». Он просто светился, сиял, как начищенный медный самовар, который остался ему в наследство от деда.

– Гляди! – говорил он Кириллу. – Красота какая! Знаешь, сколько лет самовару?

– Откуда мне знать? – смеялся Дубровин.

– Поболее ста пятидесяти будет! – гордо заявлял Ферапонт Ильич, наливая в огромные расписные чашки крепкий чай с душицей и мятой. – Кипяток в нем особый. Ты ешь мед! – угощал он Кирилла. – Это наш, деревенский, свежего сбора. И с собой возьми! У меня много.

Мед в самом деле был великолепный – янтарно-прозрачный, тягучий и пахнущий луговыми травами. Кирилл не мог наесться и напиться, до того замечательно вкусное все было у Ферапонта Ильича – и чай, и мед, и выпеченный в русской печке настоящий деревенский хлеб.

Старик расцеловал его на прощанье, как родного сына, и долго махал вслед красивой ярко-красной машине, подпрыгивающей на разбитой дороге.

Самое интересное, что Дубровину все удалось: он получил необходимые документы, арендовал помещение, закупил оборудование, и линия по производству минеральной воды «Антик» начала приносить деньги.

Вода оказалась действительно лечебная, ее охотно покупали, а доходы Кирилла и Антона росли. Приятели процветали, не прилагая к тому особых усилий. Особенно Кирилл, который совершенно обленился, быстро привык к деньгам, приятному времяпрепровождению и вольному образу жизни.

Они катались по Москве, дурачились, покупали пиво и мороженое, много смеялись, курили, сорили деньгами. Теперь можно было себе позволить лучшие концертные залы, дорогие рестораны, загородные пикники, шикарную одежду и многое, многое, многое...

Леонтина была без ума от Кирилла, Антон был влюблен в Леонтину, злился и ревновал, а Кирилл... оставался загадкой. Никто не мог понять, что у него на уме.

Он не стал менять квартиру в Неопалимовском переулке на более престижную. Жилье его вполне устраивало. Кирилл приобрел новую мебель, отдавая предпочтение удобству и уюту, а не моде; вернул родителям долг; заказал Серафиме памятник из белого мрамора – и на этом успокоился. Ему нравилось делать деньги, играя, а не корчась от напряжения. Самые невероятные операции, которые он задумывал, проходили благополучно, стремительно увеличивая оборотный капитал.

Прибыли «Антика» росли как на дрожжах. Антон хватался то за голову, то за сердце, носился как угорелый, выполняя распоряжения Дубровина, кричал на секретаршу, пил то водку, то валерьянку, к вечеру уставал как собака, сваливался на диван в офисе, не имея сил ехать домой, и... с утра все повторялось по тому же кругу.

Кирилл же, казалось, был полностью удовлетворен жизнью. Он никуда не торопился, избегал суеты и шума, излучал спокойствие, безмятежность и невероятную беспечность, ни о чем не волновался и ни о чем не думал. Он мог всю ночь провести в каком-нибудь баре или в бильярдной, а наутро явиться в офис «Антика» небритым и сонным и невнятно высказать «потрясающую идею», которая пришла ему в голову «прямо сейчас, в такси».

У Антона только челюсть отвисала на полчаса, когда суть идеи доходила до его неповоротливого сознания. Он бросался исполнять ее, и – о, чудо! – придуманная Кириллом комбинация осуществлялась, увеличивая доходы фирмы.

Антон и Кирилл начали подумывать о расширении бизнеса. Скупать долги более мелких или нерентабельных фирм показалось им неплохой мыслью.

– О, черт, черт! – ругался один из охранников «Инвест-сервиса», перекидывая с места на место женское белье, книги, полотенца, посуду. – Сколько можно искать?! Ну, нет тут ничего! Нету-у!

– Не ори! Без тебя тошно, – лениво огрызался второй, в который уже раз простукивая пол. – Маркоша голову снимет, если не найдем! Он ни за что не успокоится.

Маркошей охранники называли Михаила Марковича Гридина, директора и владельца фирмы «Инвест-сервис», на которой Виктория Мураткина, ныне покойная, работала бухгалтером. И квартира, которую они обыскивали в сто первый раз, была Викиной. Вернувшись в офис, злые и недовольные, они отправились в кабинет Гридина – докладывать.

– Ищите! – не поднимая головы, ответил директор.

– Что искать-то? – жуя жвачку, спросил высокий парень по имени Паша.

Михаил Маркович оказался в таком отчаянном, дурацком положении, что его раздражало буквально все: цветы на окне, стул, на котором он сидел, компьютер на столе – все! А тут еще этот долговязый Паша разговаривает с жвачкой во рту. Господин Гридин подобного терпеть не мог. Особенно сейчас. Он взорвался.

– Вон! – закричал Михаил Маркович, который обычно и голоса-то не повышал, играя роль респектабельного, преуспевающего, делового человека. Но теперь ему было не до церемоний.

Парень остолбенел, выпучив глаза и не понимая, что к чему.

– Что ты застыл, как болван китайский? – уже спокойнее произнес Гридин. – Убирайся!

– Ладно. – Парень пожал плечами, развернулся и направился к двери.

– Постой! – передумал Гридин. – Иди сюда. Смотри! – Он показал Паше несколько бумаг. – Вот это искать надо.

– Это?

– Ну, не это, не это! – разозлился Михаил Маркович. – Похожее! Понял?

– Не-а. – Парень передвинул жвачку из одного угла рта в другой.

Гридин едва сдержался, чтобы не двинуть ему по шее. Послал же бог дебила! Однако других Гридин не собирался посвящать в суть дела. Эти тупицы, Паша и его дружок Арсен, как раз подходят. Они если и захотят, то ничего никому рассказать не смогут. По причине беспроектной глупости и крайне ограниченного лексикона.

– Бумаги надо искать не эти, а такие же, как эти! Теперь понятно?!

Парень неопределенно покачал головой.

– Повтори, что я сказал! – теряя терпение, крикнул Гридин.

– Такие же бумаги искать, – обиженно повторил Паша. – Что я, дурак, что ли?

– Вот то-то! И Арсену своему объясни как следует, чтобы он тоже понял. Я вас двоих вместе уже не вынесу!

Так начались поиски в квартире Вики, продолжающиеся по сей день. Гридин никак не мог смириться с тем, что бумаги фирмы и вексель исчезли. В офисе их не было: кабинет бухгалтера несколько раз переворачивали вверх дном, и все безрезультатно. Значит, они в квартире. Если только убийца не унес их с собой.

Вскрытие тела позволило установить, что смерть Вики наступила в результате отравления каким-то редким ядовитым веществом.

Господин Гридин никак не мог связать одно с другим. Если бумаги украдены, зачем убивать бухгалтершу? Даже если в этом и был резон, то способ какой-то дикий. Яд, отравление... Средневековье, а не начало третьего тысячелетия! Кому такое в голову взбрело?

Впрочем, Михаила Марковича волновала не столько смерть сотрудницы, сколько пропажа бумаг. Особенно – векселя.

Вчера в его кабинете состоялся неприятный разговор. Представитель шведской фирмы, которая поставила Гридину линию по разливу пива, требовал уладить возникшую ситуацию. И требования его были справедливы. Менеджер шведов был в бешенстве.

– Вы получили товар? – спрашивал он директора «Инвест-сервиса».

Михаил Маркович кивал головой. Ему стыдно было поднять глаза. Он иногда действовал круто, необдуманно, часто рисковал, но партнеров не подводил никогда.

– Тогда я не понимаю, – продолжал менеджер. – Где же расчет? Вы обещали вексель. Так в чем дело?

Гридин сам дорого бы дал за то, чтобы узнать, в чем дело! Это было вопросом чести. На карту была поставлена его деловая репутация. Случилось невероятное: Вика мертва, некоторые бумаги фирмы и вексель исчезли. И он не имел ни малейшего понятия, где их искать! Квартира и офис были обысканы по нескольку раз. А что дальше?

Родственников у Мураткиной в Москве не оказалось. Она была родом из Самары, и там же проживали ее родители, которые последний раз видели дочь два года назад. Они никакого отношения к пропаже бумаг иметь не могли.

Подруг у Вики почти не было. Несколько сотрудниц на работе, с которыми она сплетничала и бегала по магазинам, ничего не добавили к тому, что Гридин и так знал. Любовники? Но кто они? Их еще надо было разыскать!

Милиция тоже ничего оригинальнее не придумала, как убийство из ревности. Они приходили на фирму, расспрашивали сотрудников, но никто ничего не сказал. Люди и не могли ничего объяснить, если бы даже захотели. Просто потому, что ничего не знали. О векселе на фирме было известно только директору и бухгалтеру. Выходит, не только...

Михаил Маркович не знал, что и думать.

Виктория Мураткина оказалась необычайно скрытной дамочкой. Она замечала следы и скрывала связи, как хорошо обученный агент. Даже номера телефонов в ее записной книжке были записаны не так, как это делают обычные люди. Ни имен, ни фамилий – одни цифры и буквы. Попробуй догадайся!

Впрочем, особого выбора у Гридина не было. Вексель нужно было отыскать во что бы то ни стало! И он искал. Он понял, что придется вести свое собственное расследование. Любовники – вот единственная ниточка, которая могла хоть что-то прояснить.

Михаил Маркович Гридин, солидный предприниматель, заработал свои деньги рискованными, но честными способами. Он старался не нарушать законы, не подставлять партнеров, быть аккуратным и обязательным в расчетах. Гридин позволял себе многое, но в определенных рамках. Он иногда терял не только прибыль, но и вложенные деньги, залезал в долги, но это ни разу не ставило его в катастрофическое положение. История с векселем могла погубить его. Линия, поставленная шведами, должна была резко увеличить его доходы. Он собирался как следует разбогатеть на этом, и вот...

Черт! Женщины, конечно, преподносили ему сюрпризы время от времени, но чтобы такие!

После нелегких поисков удалось найти одного знакомого Вики Мураткиной, красивой и умной женщины, которой уже не было в живых. Им оказался врач-гинеколог одной из платных московских клиник. Вряд ли он мог иметь хоть какое-то отношение к векселю, но тщательная проверка не помешает. К тому же он наверняка что-то знает о Вике, о ее знакомых. Нужно выяснить – что.

В лесу стоял густой запах сырой хвои и сосновой смолы. С низко нависшего неба моросил мелкий дождь. Арсен мерз в кожаной куртке, дрожал от осеннего ветра. Он не был южанином, но холод переносил плохо. Арсеном его называли сокращенно от Арсения.

– Ты все расскажешь, козел! – орал он на смертельно перепуганного доктора. – Иначе пожалеешь, что на свет родился!

Паша стоял чуть поодаль, курил и не вмешивался.

Арсен достал из кармана охотничий нож. Лезвие тускло блеснуло в сумраке леса. Доктор затрясся от страха, стремительно бледнея.

– Не убивайте меня, – жалобно заскулил он, глядя на нож. – Что вам нужно?

– Это, козел, не нам нужно! Это тебе нужно! – поигрывая ножом, Арсен подошел к гинекологу вплотную. – Вику Мураткину знал?

– П-почему знал? – пробормотал доктор, заикаясь. – Я и сейчас ее знаю!

– Нет, Паша, ты видел еще в своей жизни такого ублюдка? – завопил Арсен. – Он ее знает! Ты ее убил, козел! Признавайся!

– У-убил? – Глаза доктора от ужаса полезли на лоб. – Но зачем? Ч-что вы такое г-говорите?!

– Где бумаги?

– К-какие бумаги? – В голосе доктора появились визгливые нотки. Его охватывала неудержимая паника. – Я никого не убивал! Я ничего не знаю! О-о-отпустите меня!

Он заплакал.

Арсен потерял терпение. Если они не узнают у этого... – он не мог подобрать подходящее определение для доктора – то, что велено, Маркоша с них головы снимает.

Гинеколог ничего существенного так и не сказал. Они его даже бить не стали, побоялись, что он умрет от страха. Такого указания не было – лишать доктора жизни, поэтому парни ограничились запугиванием и мелкими уколами ножом. Доктор клялся и божился, что никаких других мужчин Вики он не знает, в глаза их не видел.

– Но они все-таки были? – настаивал Паша.

– Думаю, да, безусловно, были. Иногда... – врач помолчал, подбирая слова, – приходилось ликвидировать последствия, которые недвусмысленно говорят об определенных отношениях с другими мужчинами.

– С какими это другими? – насторожился Арсен.

– Ну, с другими, не со мной. Потому что из-за меня этого никак случиться не могло. Мы слишком редко встречались с Викторией и всегда были предельно осторожны.

– Так ты с ней спал?

– Ну, – смутился гинеколог, – в некотором роде. Она мне очень нравилась. В постели особенно. Поэтому я... терпел, никогда не говорил ей, что догадываюсь...

– О чем это ты догадывался?

– О том, что у нее есть другой мужчина или мужчины...

– А кто эти мужчины?

– Я не знаю, ни разу не видел! Клянусь!

– Черт! Вот козлина! Столько времени на него потратили!

Паша и Арсен сразу поняли, что доктор никого не убивал и бумаг не крал. Он был просто не способен на это – из-за трусости. Да и смысла никакого в этом не было. Бизнесом он не занимался, в бумагах ровным счетом ничего не «волок», зачем они ему могли понадобиться? Вика ему нравилась. Стал бы он бабу убивать просто так!

– Может, из ревности? – предположил Паша. – Отелло в белом халате! – Он громко захохотал над собственной шуткой.

– Допустим. А бумаги где? – спросил Арсен.

Паша почесал толстый загривок. Где бумаги, непонятно!

Они отвезли доктора обратно в клинику, как следует припугнув его насчет болтовни, и вернулись на фирму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.